

V.

Дорогой гражданин!

Вы пишете мне, что рукопись немного слишком длинна. Но Вы согласитесь, что, раз вопрос об анархизме был затронут, его следовало основательно разобрать, и в таком случае несколько лишних страниц не играют роли. Я счастлив, что перевод будет сделан Бернштейном, потому что перевод будет прекрасно сделан.

Вы делаете мне любезное предложение прислать мне часть гонорара раньше напечатания статьи; я Вам очень благодарен и сознаюсь, что Вы очень меня обяжете этим авансом. Адрес для посылки денег тот же, что и для простой корреспонденции: 5, Rue des Allemands, Madame Боград-Плеханов (или просто Боград), доктору медицины, Женева.

Привет Вам и Либкнехту.

Преданный Вам Г. Плеханов.

P.S. Моя фамилия лучше передается латинскими буквами, как я написал. Я подписываюсь Plekhanoff, когда имею дело с французами, потому что французы произносят Plechanoff как Pleschanoff. Вот почему я хотел бы, чтобы на брошюре было написано Plekhanoff.

Женева, 9 апреля 1894.

VI.

Женева, 17 апреля 1894.

Дорогой гражданин!

Извините, что я не тотчас же ответил Вам: я был болен.

Благодарю Вас за присылку денег. Что же касается размера гонорара, то я могу лишь повторить то, что я уже писал Вам в одном из моих писем. Вы заплатите мне столько, сколько Вы платите другим. Итак, вопрос исчерпан.

Я ужасно счастлив узнать, что Вы довольны моей работой. Если я в состоянии буду своим пером быть полезным германской партии, авангарду социалистического пролетариата, мне гораздо легче будет переносить изгнание, чем в настоящее время.

Сердечный привет Вам и Либкнехту.

Преданный Вам Г. Плеханов.

Г. В. Плеханов.

III. Социализм и политическая борьба.

Статья 6. Гегемония пролетариата в буржуазной революции.

1.

Я уже говорил, что в решении вопроса об отношении социализма к политической борьбе заслуга Плеханова далеко не ограничивается тем, что он перенес на русскую почву опыт западно-европейского рабочего движения.

Его решение этого сложного вопроса имеет очень много своеобразного, обусловленного особенностями развития России.

В чем эти особенности?

В том чрезвычайно важном обстоятельстве, что „социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития не придумана славянофилами и славянофильствующими революционерами. Она составляет бесспорный, всем известный факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят своей умственной и нравственной энергии на постройку воздушных замков в стиле удельно-вещевой эпохи“¹⁾. Вся мудрость революционной тактики заключалась в том, чтобы учесть это безусловно важное обстоятельство и максимально использовать его для целей социализма. Но еще более важна была задача определить, как это своеобразие русской истории должно было влиять на видоизменение событий ближайшего будущего, как оно должно было влиять на отношения классовых сил в этих событиях.

Самый заманчивый метод—перенесение на русскую почву шаблона западных народов. На самом деле, все крупные западные народы пережили свои буржуазные революции, при чем не одну, а по нескольку, и неизменно каждый раз взаимоотношения классов в этих революциях складывалось таким образом, что третьи сословие руками народа вытаскивало себе каштаны из огня, народ делал революцию под руководством мелко-буржуазной и буржуазной интеллигенции и непременно оказывался при этом в проигрыше. Если приложить этот шаблон к России, то события должны были бы развернуться таким образом, что рабочий класс вступил бы в революцию под руководством буржуазии и мелко-буржуазной интеллигенции.

Что России придется пережить буржуазную революцию—в этом сомневаться было невозможно после того, как вопрос о судьбах капи-

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 271.

тализма был разрешен в смысле грядущего в самом недалеком будущем торжества его. Более того—было уже совершенно несомненно, что вся надежда народников и народолюбцев на то, будто момент политической революции будет одновременно и началом социалистического переустройства, — была фантастичной, ни на чем не основанной надеждой.

„Связывать в одно два таких существенно-различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества—значит отдалять наступление и того и другого“¹⁾.

Это ни в коей мере не означает, что моменты эти друг от друга отдалены столь на много, что ни думать, ни заботиться о конечной цели—о социальной эмансипации рабочего класса—не следует,—наоборот, от революционеров зависит очень многое в деле сближения этих двух моментов.

„Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия „пришла слишком поздно“, то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не „слишком поздно“ начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным“²⁾.

Буржуазная революция в России неизбежна, и она не может протекать по западному шаблону. во-первых, вследствие вышеназванного своеобразия русской истории, а во-вторых, потому, что опыт Запада многому научил и еще научит русский рабочий класс, так рано оформившийся в класс для себя.

Таково то своеобразное положение, которое делает также чрезвычайно своеобразным задачи социализма в России. Определить эти своеобразные задачи было тем важней, что их выдвинуло само рабочее движение.

Прежде всего и естественно возникает вопрос о характере грядущей революции и участии в ней рабочего класса. Какую роль играет рабочий классу такая оригинальная ситуация?

Роль революционного авангарда, прежде всего. Говоря о задачах рабочей социалистической партии, Плеханов пишет в „Социализме и политической борьбе“, что она должна „выставить требование демократической конституции, которая, вместе с „правами человека“, обеспечила бы рабочим „права гражданина“ и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны“³⁾. Такая политическая программа вызовет сочувствие всех непротивников демократии, все русское общество взялось бы агитировать за такую программу, оно перестало бы смотреть на революционеров, как на людей с незрелой мыслью. „Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не только к их героизму, но и к их политической зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы, наконец, час падения абсолютизма. Социалистическая партия играла бы в этом

¹⁾ Г. В. Плеханов, Соч., т. II., стр. 86.

²⁾ Там же, стр. 83.

освободительном движении весьма почетную и выгодную роль. Ее славы прошлое, ее самоотвержение и энергия придали бы вес ее требованиям, и она имела бы, по крайней мере, шансы завоевать таким образом народу возможность политического развития и воспитания, а себе—право открытого обращения к нему со своей повелю и открытой организации в особую партию“¹⁾.

Концепция получается совершенно ясная: социалистическая рабочая организация, это—то авангард, на котором лежит тяжелая, но почетная обязанность организации общества, инициативы в борьбе и при умелом и тактическом ведении дела также и руководства им. Но никто не может гарантировать рабочему классу, что он, беря на себя инициативу борьбы, руководя ею, не окажется в подчете с одними потерями без прав и без завоеваний. „Без силы нет и права. Всякая конституция—по прекрасному выражению Лассалля—соответствует или стремится притти в соответствие с „реальными, фактическими отношениями сил, существующими в стране“. Поэтому наша социалистическая интеллигенция должна позаботиться о том, чтобы еще и в до-конституционный период изменить эти фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса. В противном случае, падение абсолютизма далеко не оправдывает надежд, возлагаемых на него русскими социалистами или даже демократами. Требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совершенно истощенной хищническим характером государственного хозяйства. Сама социалистическая партия, завоевавши у либеральной буржуазии свободу слова и действия, может очутиться в „исключительном“ положении, подобно положению современной немецкой социал-демократии. В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное“²⁾. Это говорит опыт западных революций. Из практики рабочего движения западных народов можно привести не мало примеров подобного трагического финала. Участие в борьбе еще плохая гарантия; нужно добиться такого положения, при котором рабочий класс не только был бы простым участником революционной борьбы третьего сословия, одной из его составных частей, но чтобы сама борьба протекала под фактическим руководством пролетариата. Это и будет лучшей гарантией того, что ни общество не будет обмануто в своих ожиданиях, ни рабочий класс в осуществлении своих задач, т. е. создание таких условий, которые благоприятствовали бы его борьбе за окончательную экономическую эмансипацию.

Но как это сделать? Какими средствами рабочий класс сумеет еще до конституционного периода изменить фактические отношения общественных сил в свою пользу? Т. е., говоря проще, как рабочий класс может в доконституционную эпоху готовиться стать руководителем революции.

Средствами, верность которых уже достаточно была испытана в Западной Европе рабочим классом: организацией в самостоятельную политическую партию, сплоченностью и ясностью своего политического сознания. Я сказал: средства эти испытаны в Западной Европе. Но есть существеннейшее различие: Западно-европейский пролетариат стал прибегать к этим средствам лишь после своих буржуазных ре-

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 83—84.

²⁾ Там же, стр. 84.

волюции и верность этих средств он испытал не в революции, а в повседневной борьбе и в подготовке рабочего класса к грядущим революциям, в то время как в России пролетариат имеет полную реальную возможность все эти средства употребить на дело подготовки рабочего класса уже к своей буржуазной революции. Впрочем, и это различие обусловлено тем своеобразием экономики и классовых отношений России, о котором я говорю уже выше.

Спора быть не может, все приведенное нами трактует вопрос чрезвычайно обще и глубоко теоретически. В „Социализме и политической борьбе“ еще не все (далеко не все!) ясно автору, однако не видеть, что сам вопрос перед Плехановым встал уже в 1883 году и что он пытается не случайно, а логически совершенно последовательно и связано с общим ходом мысли, дать на него ответ,—не заметить этого можно лишь при явном нежелании видеть факты.

И когда Лавров, возражая Плеханову, говорит о сомнительном будущем группы „Осв. Труд“, Плеханов совершенно резонно указывает ему, что народофильская программа стала тормозом революционному развитию и что альтернатива, которая стоит перед революцией в России, выражается в суровой и неумолимой формуле: либо она поставит свое дело на карту заговора, либо выдвинет новую силу, которая возьмет в свои руки дело организации и руководства революционным движением.

Такой новой силой должно быть рабочее движение. „Для социалистов было бы очень невыгодно, если бы руководство борьбой перешло в руки наших либералов. Это сразу лишило бы их всего прежнего влияния и на долгие годы отсрочило бы создание социалистической партии в передовых слоях народа. Вот почему мы и указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции, как я назвал его в своей брошюре, эту „программу“, научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственно революционную программу“¹⁾, усвоят для того, чтобы руководство революционной борьбой не передать либералам.

Проблема так именно и стояла: кому будет принадлежать руководство борьбой и грядущей революцией? Из предыдущего очерка мы узнали, как следует организовывать и сплачивать силы рабочего класса и тем изменить в свою пользу фактическое соотношение сил в русском обществе. Мы ниже увидим, как себе представлял Плеханов руководство революционной борьбой. Его основной элемент оставался—все та же забота о работе над политическим сознанием рабочего класса. Народовольцы думали, что рабочие важны для революции, но они были очень далеки от того, чтобы смотреть на них, как на исключительных представителей революции. „Не так будет рассуждать социал-демократ, убежденный в том, что не рабочие нужны для революции, а революция нужна для рабочих (разрядка моя. В. В.). Для него пропаганда в рабочей среде будет главной целью его усилий, и он не откажется от нее, не испытавши всех средств, которые находят в его распоряжении, не сделавши всех усилий, на которые он способен. И чем более будет проникаться истинно-социалистическими взглядами наша революционная интеллигенция, тем возможнее и легче будет казаться ей деятельность между

1) Г. В. Плеханов, Сочин., т. II, стр. 104.

рабочими по той простой причине, что тем сильнее будет стремиться она к такого рода деятельности“¹⁾.

Само собой разумеется, работа в рабочей среде трудная, но далеко не безнадежная: опыт „Сев.-Рус. Раб. Союза“ и „Земли и Воли“—блестящие тому доказательства. Работа эта медленная, но без нее не сделать ни шагу к свободе, ибо совершенно бесспорно, что „всякий, желающий поскорее добиться свободы, должен стараться заинтересовать рабочий класс в борьбе с абсолютизмом“²⁾. Только посредством этого мы можем избавиться от невыносимого ига абсолютизма. Но западно-европейская история дает не мало примеров того, как рабочий класс „очень часто боролся против абсолютизма под знаменем и под верховным руководством буржуазии. Отсюда явилась умственная и нравственная зависимость его от вожakov либерализма, вера в исключительную святость либеральных деизмов, убеждение в неприкосновенности буржуазного порядка. В Германии понадобилась вся энергия и все красноречие Лассаля, чтобы только подорвать духовную связь рабочих с прогрессистами. Наше „общество“ лишено такого влияния на рабочий класс, и социалистам нет ни нужды, ни выгоды создавать его завоо. Они должны указать рабочим их собственное, рабочее знамя, дать им вожakov из их собственной, рабочей среды, короче, должны позаботиться о том, чтобы не буржуазное „общество“, а тайные рабочие организации приобрели господствующее влияние на умы рабочих. Этим в значительной степени ускорится образование и рост русской рабочей социалистической партии, которая сумеет завоевать себе почетное место среди других партий, после того, как она еще в пеленках способствовала падению абсолютизма и торжеству политической свободы“³⁾.

Так, рабочие, проникнув идеями и принципами современного социализма, сами уже „сумеют пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакцией государственного социализма и экономическим шарлатанством либеральной буржуазии“⁴⁾.

По самой природе обсуждаемых вопросов „Наши разногласия“ не могли долго заниматься вопросом, нас интересующим, и, как убедился читатель, позиция, занятая им в „Н. Р.“, значительно менее отчетлива, чем то было в „Социализме и политической борьбе“.

О том, что самый характер и предмет книги не давали ему возможности заняться этим вопросом, свидетельствует и то, что в программе 1884 г., т.-е. того же года, что и „Н. Р.“, по этому вопросу Плеханов пишет значительно более отчетливо и ясно: „Одним из важнейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом. Социалистической интеллигенции пришлось, поэтому, стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты, с своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России“⁵⁾.

Но самым интересным в этом отношении являются его „Современные задачи русских рабочих“, где он делает сразу огромный шаг вперед в этом вопросе и пишет, объясняя, почему он обращается

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 342.

2) Там же, стр. 344.

3) Там же, стр. 346.

4) Там же, стр. 356.

именно к рабочим: называя социал-демократию „партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними. При такой постановке вопроса, наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность“¹⁾. Повторяю, это чрезвычайно знаменательно именно потому, что здесь сделана попытка дать в краткой и ясной формуле отношение между рабочим авангардом и руководителем и руководимыми классами и группами. Плеханов предупреждает рабочих, что придет время, когда сами „высшие классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу. Но, пользуясь этим выгодным для вас обстоятельством, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей. Не забывайте, что в политике нет благодарности, и если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой. Но как только дело дойдет до выгод, принесенных борьбою, то высшие классы будут помнить только о себе, да разве еще о том, чтобы держать вас в узде и в повиновении. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете к своей цели, то вы сумеете отстоять свои права и недаром затратите свои силы“²⁾.

Особую классовую политику за особые классовые цели—вот что должен преследовать рабочий класс в будущей революции; несомненно, эти основные классовые интересы совпадут с интересами крестьянства, которое именно пойдет за рабочим классом. Но руководство пролетариатом революционной борьбой в том именно и должно выражаться, что он ведет в революции ясную классовую линию, направляя события в направлении своих интересов.

От этих его заявлений до его речи на Парижском международном конгрессе, последовавшем через четыре года, был лишь один шаг.

2.

Но прежде всего два слова о программе 1888 г. В ней Плеханов делает значительный шаг вперед по сравнению с программой 1884 г.

Если в первом проекте еще видны очень заметные следы уступок народолюбию и народническим предрассудкам, то во втором проекте уже нужды абсолютно никакой в этой уступке не было, хотя от такого изменения ситуации второй проект не избежал окончательного отшибок: кое-какие ошибки сохранились, но не о них речь у нас—в проекте 1888 г. вопрос о роли рабочего класса в грядущей рабочей революции освещен значительно яснее, чем в первом проекте.

„Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем как идеал общинника лежит назад, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общегития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общне всем цивилизованным народам, а потому только через

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 363.

²⁾ Там же, стр. 371.

посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главной своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном абсолютизме очень сильное препятствие“¹⁾.

Если сравнивать приведенный отрывок с тем, что он говорил в своей статье „Современные задачи русских рабочих“, то мы вынуждены будем признать больше ясности в утверждениях 1885 года, однако не следует забывать, что программа, поневоле чрезмерно сжатая, и должна была быть в своих утверждениях более осторожной, чем статья. Точно так же, как в другой своей статье, относящейся к тому же году, что и второй проект программы, Плеханов лишь вскользь, хотя и настойчиво, говорит о гегемонии рабочего класса в ближайшей революции.

Ведя беседу с либералом о том, „как добиваться конституции“, социалист (Плеханов) весь центр тяжести переносит на вопрос о том, как должны вести себя по отношению к движению рабочего класса либералы и что должны сделать они для приближения революции; говоря об этом, нельзя было не указать либералу, какова будет роль рабочего класса в этой революции: „вообразим себе, что петербургское „общество“, проникшись революционным духом, строит баррикады, между тем как рабочий класс остается в стороне от этого движения. Одной полиции, одних дворников было бы достаточно для того, чтобы перевязать представителей „общества“ и рассадить их по участкам. Отсюда неизбежно следует такой вывод: для того, чтобы добиться конституции, мы должны вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма, возбудить в нем симпатии к свободным политическим учреждениям. Другого пути у нас нет и быть не может“²⁾. Без рабочего класса и разговор о конституции приобретает комический характер, ибо не будет силы, которая сумеет защитить Земский Собор, скажем, от расправы будочника Мымрепова. Такой силой, единственно реальной силой является рабочий класс. „Политическая свобода будет завоевана рабочим классом, или ее совсем не будет“³⁾.

Через год после этого „разговора“ в Париже собрался первый Международный конгресс социалистов.

Вот как формулировал перед представителями международного пролетариата Плеханов перспективы революционного движения в России: „Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию. Если оно, несмотря на героические усилия русских революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это объясняется изолированностью революционеров от народной массы. Силы и самоотвержение наших революционных и делогов могут быть достаточны для борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится, поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна увести взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердню самодержавия. Революционное

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 402.

²⁾ Там же, т. III, стр. 16.

³⁾ Там же.

движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может¹⁾.

Это было смело, но читатель видит, что только западно-европейским товарищам могло показаться все это новинкой, для русских же, которые вели к тому времени ярые дискуссии по этим вопросам, у которых уже совершенно ясно наметился взгляд, высказанный так ярко и удачно Плехановым на конгрессе, все это было совершенно привычной мыслью. Русские революционеры имели до того не одну возможность по трудам того же Плеханова прийти к этому выводу.

Революция восторжествует в России как рабочая революция, но что она даст принципиально нового, что вносит появление рабочего класса на сцене нового в русскую историю? Многие, и прежде всего то, что с его появлением всякие разговоры о, якобы, самобытных путях должны быть совершенно отброшены: „В нашем отечестве образование этого класса имеет еще большее значение. С его появлением изменяется самый характер русской культуры, исчезает наш старый, азиатский экономический быт, уступая место иному, европейскому. Рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра: довести до конца процесс европеизации России. Но рабочий класс придаст совершенно новый характер этому делу, от которого зависит самое существование России, как цивилизованной страны. Начать когда-то сверху, железной волей самого деспотичного из русских деспотов, оно будет закончено снизу, путем освободительного движения самого революционного из всех классов, какие только знала история. Герцен замечает в своем „Дневнике“, что в России, собственно говоря, нет народа, а есть только коленопреклоненная толпа и палач. В лице рабочего класса в России создается теперь народ в европейском смысле этого слова. В его лице трудящееся население нашего отечества впервые встанет во весь рост и позовет к ответу своих палачей. Тогда пробьет час русского самодержавия“²⁾.

Задача тем более трудная, что рабочий класс, выбиваясь снизу собственными силами, должен был преодолеть не только сопротивление всех вековых общественных самобытных устоев, но и косность интеллигенции. Интеллигенция должна была понять, что именно „сила рабочего класса“ и есть та сила, которая призвана спасти революцию от бессилия. „Поймет или нет, но события ждать ее не станут. Отсутствие союзников из „интеллигенции“ не помешает нашему рабочему классу сознавать свои интересы, понять свои задачи, выдвигать вожаков из своей собственной среды, создать свою собственную, рабочую интеллигенцию.

Такая интеллигенция не изменит его делу, не оставит его на произвол судьбы. Нужно, однако, еще раз заметить, что в своей борьбе с самодержавием рабочий класс будет, по всей вероятности, не один, хотя, разумеется, только он один способен придать ей решительный оборот“³⁾. За рабочим классом пойдут и буржуазия, и „общество“, и торгово-промышленный мир, но силу руководящую и последовательную составит рабочий класс, только он способен доводить демократизацию страны до конца, завоевать политические права и свободы навсегда.

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том IV, стр. 54.

2) Там же, том III, стр. 78.

3) Там же, стр. 79.

Очень скоро это теоретическое положение получило подтверждение на практике. Празднование в России 1 мая в самый глухой 1891 год и речи четырех рабочих особенно ярко иллюстрировали правильность того положения, что ранее чем в России какой-либо класс пришел в сознание—рабочий класс организовался и выступил на политическую авансцену со своей собственной классовой точкой зрения.

В предисловии к этим четырем речам Плеханов пишет: „У нас привыкли толковать о русской самобытности, распространяться на ту тему, что Россия не Запад. Привычка эта вкоренилась так сильно, что даже мы, западники до конца ногтей, поклонники всего человеческого и ненавистники всего „самобытного“, не можем не заплатить ей дань. Да, Россия не Запад. Да, русская жизнь имеет свои неоспоримые особенности. Но в чем заключаются они, эти особенности? Не удаляясь в глубь времен, мы можем сказать, что теперь они сводятся к следующему. Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии. Наша буржуазия требует пока только субсидий, гарантий, покровительственного тарифа и вывозных пошлин; русские рабочие требуют политических прав. Это значит, что рабочие опередили буржуазию, и что все действительно передовые люди должны стать под знамя рабочих“¹⁾.

Это неоспоримый факт. Действительно все передовое, что не хочет коснеть в болоте самобытности, неминуемо должно было стать под знамя пролетариата, поскольку рабочий класс носитель самых передовых тенденций, а его партия не могла не быть самой западной из всех до нее существовавших, как Плеханов говорит во „Внутреннем обозрении“: „Рабочий класс прямо не в состоянии будет найти иной роли, чем та, которую этот класс имел на Западе, совершенно так же, как не могли бы наши современные художники не быть реалистами, если бы даже и захотели этого. Русский рабочий класс, это—тот класс, которому суждена наиболее европейская роль в русской политической жизни, поэтому и партия, представляющая его интересы, необходимо будет более западной из всех русских партий“²⁾.

Под руководством своей западной партии, методами западного политического движения, т.-е. классовой борьбой, пролетариату России удастся осуществить свою задачу—завоевание политических свобод и политических прав, низвержение самодержавия. Именно подмеченное западничество существо пролетариата и его движения и делает его гегемоном грядущей революции. На самом деле, Россия совершенно несомненно стала на путь экономического развития Запада, вся жизнь, весь хозяйственный уклад в своем развитии следовал по пути Запада, а интеллигенция, либеральная буржуазия и мелкая буржуазия продолжала старую болтовню о самобытных путях развития: один только рабочий класс силою вещей, самим своим положением, в начале стихийно, а затем и организованно и сознательно, выдвигал и отражал, понимал совершенно отчетливо потребность и требования развивающегося вперед к крупной промышленности нового хозяйственного уклада.

Все своеобразие происходило не от своеобразия хозяйственных форм, не от своеобразия „путей России“, а от того чрезвычайно интересного обстоятельства, что задачу, которую по самому существу

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 208.

2) Там же, стр. 238.

своему должна была бы выдвинуть, поставить на очередь передовая буржуазия,—ставил и готовился разрешить рабочий класс.

По существу говоря, ни в одной революции буржуазия сама одна не в сила была разрешить основательно, последовательно и до конца задачи своей собственной революции. Всегда во всех до того совершавшихся революциях основной решающей силой бывал народ, при чем чем ближе к концу XIX в., тем все более и более расплывчатый народ вытеснял собою рабочий класс.

Но в перспективе назревающей русской революции плюс к этой общей всем европейским революциям имелась еще и та особенность, что не только ее подготовка, не только ее основной силой, но и ее дирижером вынужденно должен был быть рабочий класс. Это нужно было рабочему классу России понять, это мог понять лишь политически сознательный рабочий класс.

Отсюда совершенно ясно, что вопрос о подготовке, практической организации сил, к грядущей революции сводился к вопросу о росте классового сознания пролетариата. Все, кто способствуют этому росту—тем самым работают на революцию, те, кто препятствуют ему своей деятельностью, являются злейшими врагами революции. Программа действий, которая своей ясностью не оставляет никаких сомнений. Но когда Плеханов развивал ее в своих двух брошюрах по поводу голода—„Всероссийское разорение“ и „О задачах социалистов“,—то не только в лагере врагов, но и в лагере единомышленников возникло много недоразумений и послышалось много возражений. Однако все возражения являлись результатом всего более непонимания основных задач момента, были продиктованы скорее неумением приложить революционную теорию к разрешению революционных задач, чем ошибками Плеханова.

На самом деле, основываясь на заключительных словах „Всероссийского разорения“, некоторые соц.-демократы обвиняли Плеханова в том, будто он забывал за политическими задачами страны классовые задачи пролетариата. Это было, разумеется, ошибкой, и Плеханов в своей второй брошюре дал надлежащую отповедь обвинителям.

Не в том дело, на что особенно напирали противники: тот, кто выдвигает основной задачей социалистов непрестанную работу над ростом классового сознания пролетариата, тот тем самым ни минуты не упускает из виду великие цели пролетариата и его движения. „Мы знаем, товарищи, путь, ведущий социалистов к их великой цели. Он определяется немногими словами: содействие росту классового сознания пролетариата. Кто содействует росту этого сознания, тот социалист. Кто мешает ему, тот враг социализма. А кто занимается делом, не имеющим к нему непосредственного отношения, тот не имеет непосредственного отношения и к социализму. Помня это, мы без всякого труда решим наши специально-русские задачи“¹⁾.

Дело политического воспитания рабочего класса не может быть оставлено на буржуазии: „Если в период борьбы с самодержавием буржуазия будет единственной политической воспитательницей пролетариата, то он не достигнет той степени сознательности и того революционного настроения, какие свойственны были ему в том случае, если бы за его политическое воспитание взялись социалисты. Другими словами: содействовать росту классового сознания пролетариата—значит ковать оружие, наиболее опасное для существующего строя. Очень плохой совет дают нам

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 400.

люди, убеждающие нас „на время оставить социализм“. Не доктринерство, а самый зрелый расчет и самый верный революционный инстинкт заставляют нас твердо и неизменно держаться социализма“¹⁾.

Совершенно ясно таким образом, как жестоко ошибались те, кто обвиняли Плеханова в том, будто он за политическими задачами дня не видел великих целей пролетариата. „Рабочий класс, в среду которого проникла мысль о политической свободе, это уже сознательный рабочий класс. Но пока он говорит только о политической свободе, его политическое сознание находится еще в неразвитом состоянии, оно еще не стало классовым его сознанием. На эту высшую ступень политического развития рабочий класс поднимается только тогда, когда научается понимать свои особые классовые интересы, свое отношение к буржуазии, причины своего подчинения эксплуататорам. Тогда политическая свобода перестает играть в его глазах роль панацеи, способной излечить общественный организм от всех возможных болезней. Тогда он ставит перед собой задачу своего экономического освобождения: великую цель, „которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство“²⁾.

Он совершенно справедливо чувствует себя более чем оскорбленным упреками „некоторых молодых товарищей из России“. „Когда в статье „Всероссийское разорение“ я писал, что все честные русские люди, т. е. все те, которые не продали царю своей совести и которые не хотят, по выражению поэта, в роковое время позорить гражданина сам, должны агитировать в пользу созыва земского собора, мысль об отказе от классовой борьбы была от меня дальше, чем когда бы то ни было. И если, как мне пишут из России, некоторые молодые товарищи с неприятным для них удивлением увидели в названной статье именно эту мысль, то мне остается только пожалеть, что предлагаемые письма не пришли раньше“³⁾. Тот факт, что Плеханов—последовательный марксист, уже делает невозможным то обвинение, которое выдвигают „некоторые молодые“. Подобно немцам коммунистам сороковых годов, мы будем поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка. Но ни одно из них, какие бы размеры оно ни приняло, не заставит нас спрятать свое собственное знамя. И лишь в той мере будем мы желательными и сильными союзниками других, более или менее революционных партий, в какой сумеем распространить среди русского пролетариата наши социал-демократические идеи“⁴⁾, и не только демократические элементы общества, но и „бедные крестьяне (а таких большинство) непременно пойдут за социал-демократами, если только те не пожелают оттолкнуть их, что, конечно, невозможно“⁵⁾.

Социал-демократия, авангард рабочего класса во главе гигантской революции, объединяющая все демократические элементы и крестьянскую бедноту,—такова перспектива великих грядущих революционных событий.

Так постепенно кристаллизовалась в работах Плеханова идея гегемонии пролетариата в буржуазной революции, хотя самый этот, ставший впоследствии чрезвычайно ходким, термин еще не был в ходу, не был распространен в революционном обиходе.

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 403.

²⁾ Там же, стр. 405.

³⁾ Там же, стр. 409.

⁴⁾ Там же, стр. 409.

⁵⁾ Там же, стр. 410.

3.

Мы так долго останавливались на трудах Плеханова 80-х годов именно потому, что многие историки марксизма и социал-демократии в России,—преимущественно меньшевики,—склонны были, а тов. А. Мартынов даже написал целую большую статью в доказательство этого, доказывать, что идея гегемонии пролетариата возникла в социал-демократии России не ранее 90-х годов, автором этой мысли—утверждал тов. А. Мартынов—был не Плеханов, а П. Аксельрод.

Читатель, надеюсь, убедился в совершенной вздорности подобного утверждения: идея гегемонии пролетариата проходит красной нитью через всю литературу группы „Осе. Тр.“, начиная с первой ею изданной брошюры Г. В. Плеханова „Социализм и политическая борьба“.

Идея гегемонии пролетариата означала не что иное, как то утверждение, что пролетариат в России, силою объективного хода экономического развития, должен и выступит в качестве руководителя революционной борьбы против абсолютизма и что всякий, кто за общественный прогресс в России, не может не способствовать тому, чтобы рабочий класс подготовился к этой роли руководителя. Когда он станет готовым к этой роли? Когда он придет к ясному классовому сознанию. Следовательно, полезность деятельности лиц и групп с точки зрения общественного развития России намеряется тем, настолько их деятельность способствует развитию классового сознания пролетариата.

Только фракционная ослепленность меньшевистских историков не позволяла видеть, что все эти мысли неустанно повторялись Плехановым на всем протяжении 80-х годов.

Не Аксельрод, а именно Плеханов являлся творцом идеи гегемонии пролетариата,—идеи, которая вытекала с неизбежностью из приложения Марксова метода к решению российских задач, вытекала из оценки революционных перспектив в России.

Но если в 80-х и в начале 90-х годов проблема ставилась и разрешалась исключительно теоретически, то уже непосредственно после года рабочее движение так усилилось и выросло, что к концу 90-х годов проблема революции стала вопросом ближайшей практической деятельности. Отсюда и понятно, почему все вопросы, связанные с революционной практикой, именно в эту эпоху особенно четко вырисовались и особенно отчетливо формулировались. В числе других проблем революционной практики и вопрос о гегемонии пролетариата особенно остро выпятился в эпоху борьбы с экономизмом, ранним и наиболее примитивным видом оппортунизма в России.

Потому с особенной силой выдвигались революционные моменты и заострялись боевые лозунги, что появилось течение, притупляющее революционное острое движение.

В своей первой статье в „Искре“—„На пороге XX века“, где Плеханов с такой пророческой проникательностью предвидит в будущем образование социал-демократической „горы“ и „жирюнд“, обсуждая задачи российского рабочего движения и перспективы его развития, заканчивает статью словами: „Россия может и должна многому научиться у западно-европейских социалистов. Самый главный и ничем не заменимый урок, даваемый нам всей историей западно-европейского социализма, заключается в том, что в каждой данной стране ближайше задачи и тактика рабочей партии определяются действительными общественными отношениями этой страны. Забывать об

этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма, значит покидать почву действительности. Нам, русским социал-демократам, необходимо помнить, что XX век ставит перед нами такую политическую задачу, которая с большей или меньшей полнотой уже решена на Западе; у нас во всей красе цветет то самодержавие, о котором западно-европейские люди знают только по-наслышке. Разрушение самодержавия безусловно необходимо для успешного и правильного развития нашей партии. Если между западно-европейскими социалистами и их великой целью стоит эгоизм имущих классов, то между зарождающейся партией и западно-европейской социалистической семьей стоит, подобно китайской стене, самодержавный царь с его полицейским государством. Но нет такой стены, которую не могла бы разрушить человеческая энергия. Русская социал-демократическая партия возьмет на себя инициативу борьбы с абсолютизмом (курсив мой. В. В.), и она нанесет ему смертельный удар, опираясь на более или менее энергичную, прямую или косвенную, поддержку всех тех элементов, на которые давит теперь тяжелое, неуклюжее здание неограниченной монархии.

Политическая свобода будет первым крупным культурным завоеванием России XX века¹⁾.

Даже Мартынов не собрался духом отказать в яркой и смелой постановке вопроса о гегемонии пролетариата Плехановым на страницах „Искры“. Мы приведем еще более блестящее тому доказательство; прежде всего остановимся на его основной статье, направленной против экономизма—„Еще раз социализм и политическая борьба“.

На том основании, что Плеханов непрерывно подчеркивал необходимость использовать и поддерживать всякие революционные и оппозиционные движения, направленные против царизма, его обвиняли (не кто иной, как экономисты!) в том, будто он проповедует сближение пролетариата с буржуазией в ущерб интересам классовой борьбы. Ничего не стоило Плеханову доказать, что именно экономисты, а не кто-либо иной, являются теми, кто проповедует забвение классовой борьбы. Точка зрения социал-демократов совершенно иная. „Наша партия, не имеющая решительно никакой склонности к самобуйству, возьмет на себя почин борьбы с абсолютизмом, а следовательно, и гегемонию в этой борьбе; чем более многочисленны и разносторонни станут ее приемы, тем яснее сделается для всех искренних врагов существующего политического порядка,—для всех тех, в душе которых любовь к политической свободе не перевешивается стремлением к эксплуатации рабочих,—что они должны поддержать нашу партию в интересах своего собственного дела. Мало-помалу они привыкнут смотреть на ее победы и поражения, как на свои собственные победы и поражения. И наша партия сделается таким образом освободительницей *par excellence*, центром, к которому будут тяготеть все демократические симпатии и из которого будут исходить все наиболее крупные революционные протесты. Тогда в ее распоряжении окажутся такие силы и такие материальные средства, о каких безумно было бы и мечтать при нынешних условиях. Но ни одна единица этих сил и ни одна копейка из этих средств не будет затрачена на подчинение пролетариата какому-нибудь чуждому влиянию и на достижение каких-нибудь вредных для него целей. Напротив, все эти силы и все эти средства будут служить достижению его собственных целей и упрочивать его собственное влияние

¹⁾ Г. В. Плеханов. „На пороге XX века“. Искра, № 2.

на другие общественные элементы, потому что направлять и распределять их будет его собственный передовой отряд: социал-демократическая партия¹⁾.

В сущности говоря, решительнее и яснее нельзя было и формулировать идею гегемонии, которая приобрела в этой борьбе и свое название. В приведенном отрывке не только дана точная формула идеи—в ней заключается широко намеченная картина самого процесса руководства, в чем и как оно должно проявляться.

В дальнейшем „Искре“ было уже не до теорий, она уже практически пыталась разрешить проблему, поскольку рабочий класс, как могучая революционная сила, вышел на мостовую. Демонстрации рабочих и план использования их, организации сопротивления полицейским, план поддержки студенческих волнений, план использования аграрных волнений—все это было лишь попыткой, блестящей и чрезвычайно плодотворной приложить теорию к потребностям практической политики, чем занималась вся „Искра“ и, прежде всего, Плеханов.

Возражая против проповеди мести правительству путем террора, Плеханов писал: „Умерщвление—не убийство. Но оно не есть также и путь к победе. Карая отдельных слуг царя, оно не разрушает царизма. Мы очень ценим самоотвержение лиц, подобных Балмашову и Карповичу. Но мы стремимся к низвержению целой системы. Мы стоим на классовой точке зрения. А с этой точки зрения, самым верным и совершенно незаменимым средством борьбы с царизмом была и остается агитация в рабочем классе для развития его политического самосознания и организации его для дальнейшей, все более и более упорной и победоносной агитации. Только на фундаменте политического самосознания русского пролетариата может быть воздвигнуто здание русской политической свободы. Русское революционное движение восторжествует, как движение рабочей массы, или совсем не восторжествует“²⁾.

Говоря о всеобщей стачке на юге, он опять вспоминает террористов и противопоставляет им соц. дем. тактику: „В прежние времена, когда наше революционное движение было движением небольшого слоя разночинцев и когда все его силы исчерпывались небольшими партизанскими отрядами, гибель каждого отдельного борца обыкновенно заиграла в сердцах его немногочисленных товарищей жажду мести. Теперь, когда в движение вошли широкие слои пролетариата, гибнут уже не отдельные лица; теперь кровь льется ручьями, и теперь жажда мести горит в тысячах и тысячах рабочих сердец. Но, сообразно с ростом нашего движения, растет и цель, которую ставят себе мыслители. Гибель отдельных представителей власти не имеет для них значения. Их жажда мести может быть удовлетворена только крушением всей, так позорно давящей нашу страну, политической системы. А к этой цели ведет только один путь: политическое воспитание рабочей массы. Над этим воспитанием и трудится российская социал-демократия. Это—свойственный ей род терроризма, и этот терроризм несравненно страшнее и опаснее для правительства, чем терроризм „первой махеры“³⁾. Такая месть и такой террор действительно оказались страшнее самодержавию, чем террор эс-эров—индивидуальный террор.

¹⁾ Г. В. Плеханов. „Еще раз социализм и политическая борьба“. Заря, № 1.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. XII, „Смерть Сяпана и наши агитационные задачи“.

³⁾ Г. В. Плеханов, т. XII, „Всеобщие стачки на юге“.

В другом месте, по поводу белого террора самодержавия, Плеханов говорит: „Ответом на белый террор правительства должно быть усиление революционной агитации в массе. На этом пути нам придется испытать жесточайшее преследование. Много крови прольется на нем, много товарищей вырвет из наших рядов Молох в полицейском мундире. Но мы не покинем его, так как он один и ведет к победе. Держась его, мы можем быть уверены, что силы нашей революционной армии будут постоянно увеличиваться, что на место павших борцов будут становиться новые, все более и более многочисленные рекруты свободы, и что мы отомстим царизму, победив его и не оставив в его безобразном здании камня на камне“¹⁾.

По поводу крестьянских волнений Плеханов писал: „Царская власть, вообще, может в настоящее время только мешать развитию русской народной жизни. Поэтому развитие русской народной жизни делает положение царской власти все более и более шатким. Гражданская свобода может быть принесена русскому крестьянину только политическим освобождением России. Поэтому русский крестьянин вынужден будет принять участие в политическом освобождении России, если только захочет добиться гражданской свободы. А в нем пробуждается уже сильное стремление к ней. Новые условия его быта вызывают в нем новые потребности и разбивают его старые предрассудки. Крестьянские волнения прошлого года—только „пролог пролога“ великой драмы, которая готовится к постановке на русской исторической сцене и которая озаглавлена двумя словами: „падение царизма“²⁾. При этом, если припомнить его слова о том, что инициатива и руководство борьбой за падение самодержавия принадлежат рабочему классу, то станет совершенно понятно подлинно революционная суть приведенного отрывка: многомиллионное крестьянство, возглавляемое сознательным пролетариатом—это такая сила, одно появление коей на исторической сцене приведет к развязке „великой драмы“.

Я не буду умножать выписки, их можно было бы подобрать ровно столько, сколько им написано в „Искре“ до II съезда статей. Я только хочу повторить то, что я говорил выше: уже с 1902 года социал-демократия очутилась перед таким высоким подъемом рабочего движения, что вопрос о гегемонии пролетариата из теории стал вопросом практики, и понадобилось непосредственное приложение теории к практике. „Искра“ сделала в этом смысле все, что мыслимо.

И нельзя не отметить, что приложение показало, как верна была сама идея гегемонии пролетариата, насколько она плодотворна при ее последовательном использовании, а самое главное как она неизбежно вытекала из объективного хода вещей—практика осуществляла гегемонию ранее того, как идея дошла до массы—лучшее доказательство ее безусловной правильности.

Вопрос о гегемонии пролетариата был одним из жгучих вопросов первой революции, но о том, как Плеханов понимал и применял эту идею в эпоху 1905—1907 г.г. мы поговорим особо. Им же очень много занимались в политике с ликвидаторством. При чем в эпоху борьбы с этим новым типом оппортунизма Плеханов вместе с нашей партией защищал идею гегемонии от ликвидаторов, которые не прочь были в числе прочих идей ликвидировать и эту.

Сам Плеханов, говоря о гегемонии пролетариата в своих возражениях А. Мартынову, замечает, что и большевики неправильно

¹⁾ Г. В. Плеханов, „Белый террор“. Искра, № 48.

²⁾ Г. В. Плеханов, „Отмена круговой поруки“. Искра, № 38.

поняли его идею, и что, якобы, попытка большевиков „конкретизировать“ идею была попыткой бланкистской. Разумеется, это утверждение носит совершенно явственные следы тогдашних фракционных отношений. Два направления социал-демократии пытались конкретизировать одну и ту же идею, высказанную в эпоху, когда не было разногласий между ними, — только внимательный разбор попыток, т. е. тактик, этих двух направлений в революции дает возможность судить о том, кому лучше удалось или, еще яснее, кто действительно реализовал идею гегемонии пролетариата, а чья деятельность коренным образом мешала конкретизации ее.

Мы этим займемся ниже, скажем лишь, забегая вперед, что самый беглый обзор тактики большевиков и самого Плеханова в революции 1905 года покажет, что Плеханов жестоко ошибался в своем утверждении. В 1905 году единственно подлинными и последовательными защитниками идеи гегемонии пролетариата в революции были большевики.

Статья в. Пролетариат и либеральная буржуазия.

1.

Но если гегемония пролетариата в буржуазной революции таким образом с самого же начала возникновения марксизма в России была провозглашена как нечто неизбежное и объективно обусловленное, то тем самым принципиально намечалось и направление в правильном решении вопроса об отношении к тем классам общества, которые были непосредственно заинтересованы в будущей революции, вели более или менее последовательную борьбу за нее, и которым должен был руководить пролетариат в борьбе против самодержавия. Такими группами и классами были либеральная буржуазия, мелко-буржуазная интеллигенция и крестьянство.

Вопрос об отношении пролетариата к более или менее оппозиционно настроенным классам и группам принадлежит к числу тех проблем „Социализма и политической борьбы“, которые всего более занимали Плеханова, над разрешением которых он всего более трудился. До самой первой революции — с начала своей социал-демократической деятельности — Плеханов не выпускал из сферы обсуждения эти вопросы, которые становились все актуальней по мере роста рабочего движения: заслуга его в решении этих вопросов исключительно великая.

В вопросе об отношении к либеральной буржуазии позиция, защищаемая Плехановым до II съезда, была очень закончена, позиция им почти с самого же начала определенная совершенно ясно и без колебаний и неизменной до самого II съезда и после. Может быть, мне будет разрешено заранее отметить, что именно это обстоятельство привело Плеханова к тому, что в этом вопросе в эпоху первой революции он был всего далее от подлинно революционной позиции большевиков.

Но это лишь мимоходом, а теперь попытаемся по возможности кратко проследить его взгляд на отношение пролетариата к либеральной буржуазии, — вопрос, которым он задается уже в первом же своем памфлете.

В „Социализме и политической борьбе“ Плеханов, подвергая суровой критике программу Исп. Ком. Нар. Воли, касается и вопроса

об отношении к либералам. Критикуя требования „радикального политического переворота“, он спрашивает: „Разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам „Народной Воли“, будут добиваться крестьянские депутаты? Западно-европейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где „красный призрак“ принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, „либералы“ готовы были искать защиты в объятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила? Если так, то на чем основывал он свое убеждение?“¹⁾

Эти вопросы были тем более законными, что народолюбцы расчеты свои строили не только на одних рабочих и крестьянах, но и на „обществе“. Рассчитывать, что представители „общества“, т. е. средняя буржуазия и интеллигенция, будут поддерживать захват власти с целью коренного экономического переворота — было, по меньшей мере, фантастическим расчетом. Как ни забито, как ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохранения и ни в коем случае не пойдет добровольно навстречу „красному призраку“; указывать ему на такую „постановку“ задач партии — значит лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственные силы“²⁾. Совершенно правильно. А собственных сил народолюбчества без „общества“ было ни в коем случае не достаточно для подобных радикальных переворотов: несколько отрядов революционной интеллигенции, отдельные кружки городских рабочих и единичные крестьяне — были бы слишком узким основанием для захвата власти и экономического переустройства страны. „Мы думаем, что единственно нефантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая, вместе с „правами человека“, обеспечила бы рабочим „права гражданина“ и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока „красным призраком“, такая политическая программа вызвала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма. И между тем как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы была бы делом всего русского общества, в котором она усиливала бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов действительно „заставили“ бы их „вместе с социалистами действовать против правительства“, потому что либералы перестали бы встречать в революционных нападках уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем, другая, менее пугливая и более трезвая часть либерального общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами“³⁾.

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 75.

²⁾ Там же, стр. 76.

³⁾ Там же, стр. 83.

Эта программа была на целую голову выше всех до того существовавших программ. Однако же ее слабые стороны сейчас не трудно заметить, спустя сорок лет. Но не следует забывать, что на лбу этой программы красуется печать этой эпохи, и всякий, кто захочет ее критиковать, должен вспомнить 1883 год, обстановку и условия, общественные отношения и сложившиеся революционной работы эпохи. Ниже мы увидим, что забвение этого приводит к печальным результатам, печальным для тех, кто не видит печать времени на тактике группы „Осв. Труда“.

Если либеральная буржуазия, так-называемое общество, действительно настроена оппозиционно против самодержавия, то почему же незаметно это? Ни в одной стране „общество“ не вступало в борьбу с „главным врагом“ до тех пор, пока не чувствовало за собой поддержку рабочего класса, „народа“, без такой поддержки оно было трусливо, ибо оно было бессильно.

„Наше общество“ не может еще рассчитывать на такую поддержку рабочих; оно не знает даже, на кого направит свое оружие рабочий-инсургент: на защитников абсолютной монархии или на сторонников политической свободы. Отсюда его робость и нерешительность, отсюда овладевшее им теперь тяжелое и безнадежное уныние. Но измените положение дел, обеспечьте нашему „обществу“ поддержку одних только городских предместий, — и вы увидите, что оно знает, чего хочет, и умеет говорить с властью языком, достойным гражданина. Припомним петербургские стачки 1878—1879 годов. Слух об этих стачках интересовал далеко не одних социалистов. Они стали событием дня, ими интересовался чуть ли не весь интеллигентный и мыслящий Петербург. Вообразите теперь, что в стачках выразился не только антагонизм интересов нанимателей и рабочих данной фабрики, но также начинающийся политический разлад петербургского рабочего класса с абсолютной монархией. Обращение полиции со стачечниками дало не мало поводов к проявлению такого разлада. Представьте же себе, что рабочие Новой Бумагопрядильни требовали не только повышения заработной платы для себя, но также известных политических прав для всех русских граждан. Буржуазия увидела бы тогда, что ей нужно серьезнее, чем прежде, считаться с требованиями рабочих. Кроме того, все те ее либеральные слои, экономическим интересам которых успех стачечников не грозил бы прямым и непосредственным образом, почувствовали бы, что их политические требования приобрели, наконец, твердую почву, и что поддержка рабочего класса делает гораздо более вероятным счастливый исход борьбы с абсолютизмом. Политическое движение рабочих вдохнуло бы новую уверенность в сердцах всех сторонников политической свободы¹⁾.

Политические требования „общества“ реализуются только тогда, когда рабочий класс поддержит их, отсюда совершенно ясно — России нужна не террористическая борьба, а серьезная деятельность в рабочей среде, организация сил рабочего класса, агитация и пропаганда в его среде принципа „современной социальной демократии“.

Если представители „общества“ не в состоянии в силу своего положения вести эту агитацию и пропаганду, то революционная интеллигенция может взять на себя эту задачу, может и должна взять ее, ибо это вернейший путь к осуществлению политической свободы.

В своей очень популярной статье, писанной для рабочих, „Современные задачи русских социалистов“, Плеханов, объясняя им тактику использования и поддержки либерального движения, объясняет, исходя из того положения, что „между вашими врагами, которые так

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 344.

часто соединяются против вас, между правительством и высшими классами нет единодушия“¹⁾, царь хочет оставить себе полную депотическую власть самодержца, представители буржуазии требуют конституционного правления. „Вот это-то раздор в лагере ваших врагов, вот это-то необходимость ограничения царской власти и облегчат вам завоевание политических прав и политической свободы. Придет время, когда сами высшие классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу. Но, пользуясь этим выгодным для вас обстоятельством, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей“²⁾.

В политике — говорил он не один раз, — нет благодарности, в политической борьбе расчеты свои строит на благородных чувствах другого класса только тот, кто сам слаб и немощен, рабочий же класс, который составляет самую внушительную силу революции, должен сам заботиться о своих правах, своих завоеваниях.

Все это нашло себе отражение в программе 1888 года; крестьянство не сочувствует революционному движению. „Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышаясь голосом народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами и полное разочарование нашей интеллигенции“³⁾. Но положение не безнадежно, ибо в результате разложения общины и развития капитализма появляется в России рабочий класс, которому и суждено быть проводником передовых стремлений цивилизованного человечества в России, — общество, таким образом, находит себе твердую опору в проведении своих передовых стремлений.

До сих пор Плеханов лишь мимоходом, между прочими задачами, останавливался и на вопросе об отношении к либералам; самая задача, которую ставила себе к решению группа „Осв. Труда“ — заставить революционную интеллигенцию обратиться к марксизму за разрешением противоречий, в которых запуталось революционное движение России, требовала того, чтобы неустанно, рискуя неоднократно повторять свои доводы и мысли, развивались общие положения марксизма. Но уже конец 80-х годов значительно изменил положение. Марксизм имел уже известную аудиторию, заставил себя слушать; противники распространения учения Маркса в лагере революционеров уже не представляли силы ни в теоретическом, ни в практическом отношении; при этом, разумеется, у аудитории марксистской возникла естественная потребность решения и конкретных вопросов тактики. Одним из существенных вопросов тактики в эту переходную эпоху был обсуждаемый вопрос, которому Плеханов стал уделять гораздо больше внимания, чем до того. Основной работой, выясняющей подробно и всесторонне его взгляд на вопрос об отношении пролетариата к либералам, является его разговор с Конституционалистом по вопросу о том, „как добиваться конституции“.

Разговор начинается Конституционалист постановкой действительно интересного вопроса. Если социалисты также стремятся к политической свободе, что и представители общества, то не целесообразнее ли

1) и 2) Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 370.

3) Там же, стр. 402.

было бы им отбросить совершенно на время борьбы за политическую свободу вопрос о социализме? „Теперь у нас на очереди не социальный, а политический вопрос. Повалите абсолютизм, добейтесь политической свободы, а потом, уже и говорите о социализме. Тогда это будет вполне своевременно, а потому и не напрасно; теперь же только даром тратите силы“¹⁾. При этом К. разъясняет Социалисту, т. е. Плеханову, что следует делать для того, чтобы добиться конституции: советует перестать быть сектантом, отщепенцем, отложить в сторону социализм и приступить к „политической агитации“. Социалист совершенно закономерно удивляется такому противопоставлению социализма политической агитации. „Социализм не мыслим без такой агитации“, — говорит он и далее, разъясняя К., что мешает социалистам сближаться с либералами, он говорит: „Многое и, главным образом, ваше отношение к социализму. Вы не враг социализма, но вы думаете, что те, которые тождуют о нем в настоящее время, начинают дело с конца. Вы советуете нам на время забыть о нем и, так сказать, прикомандироваться к либералам. Мы смотрим на дело совсем иначе, мы думаем, что, если бы наши либералы действительно хотели бороться за политическую свободу, то они, в конце концов, не могли бы придумать ничего лучшего, как пристать к социалистам“²⁾. Разумеется, либералы никогда не пристанут к социалистам, но, быть может, социалисты могут временно бросить социализм? Если бы такой поступок хоть немного приблизил момент завоевания политической свободы, разумеется, не было бы места колебаниям; но в том-то и дело, что, „превратившись в либералов, социалисты только замедлили бы дело политического освобождения России“³⁾, и это по той чрезвычайно простой причине, что этим актом только ослабили бы силу революции; в истории много тому примеров: „общество бессильно без поддержки народа или, по крайней мере, наиболее развитой, наиболее революционной части народа, т. е. рабочих“⁴⁾, а советуя отбросить на-время социалистическую пропаганду среди рабочих, естественно, либералы лишь ослабляют тот отряд, без поддержки которого они бессильны.

„В борьбе с правительством высшие классы, из которых состоит „общество“, никогда и нигде не играли роли „регулярной армии“. Это чистая фантазия. Сами по себе они всегда были штабом без армии, как выражается Энгельс, говоря о немецкой буржуазии. Чтобы создать армию, нужна народная масса, нужны силы рабочих. Порукой в этом может служить вся западно-европейская история последнего времени. А вот этой-то настоящей, а не фантастической армии и не видит за собой „пока что“ наше общество. Поэтому оно и „нерешительно“, зная, что правительство может раздавить его в каждую данную минуту. Поэтому оно „собою“ и „недеятельно“. Вот этому горю и должны помочь наши революционеры. А раз они возьмутся помогать ему, им уж нельзя будет даже „на время“ забыть, что они социалисты“⁵⁾. Сознание, что они социалисты, не только не ослабляет таким образом, а усиливает борьбу, которая не может не быть сопряженной с насильями.

Надежды на добровольную уступку царского правительства, на внешние силы, — надежды пустые в лучшем случае, а, быть может, и чисто реакционные. „Борьба за политическую свободу долж-

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 12.

²⁾ Там же, стр. 13.

³⁾ Там же, стр. 15.

⁴⁾ Там же, стр. 16.

⁵⁾ Там же, том IV, стр. 277.

на быть первым фазисом рабочего движения в России“¹⁾. Но параллельно с этим имеет большой смысл и значение борьба либерального общества. „Я вовсе не считаю бесполезной борьбу высших и средних классов против правительства, я первый приветствовал бы начало такой борьбы, потому что я понимаю все ее возможное значение. Но я говорю, что это возможное значение не станет действительным до тех пор, пока рядом с движением в обществе не начнется движение в рабочей среде, и я приглашаю нашу революционную молодежь содействовать этому последнему движению. Я говорю ей, что только в рабочей среде она найдет плодотворную почву для своей деятельности, что, пробуждая сознание рабочего класса, она будет способствовать не только освобождению этого класса, но и всех других прогрессивных классов в России“.

Революционеры чужаются социал-демократического решения вопроса потому, что они далеки от рабочих. „Пусть только идут наши революционеры к рабочим, сама жизнь сделает их социал-демократами“²⁾, сама жизнь заставит их притти к соц.-демократическому решению проблемы.

Итак, не отказ от классовых позиций и классовой точки зрения, а использование и поддержка всякого революционного движения, направленного против самодержавия, — таков был вывод из спора Плеханова с Конституционалистом.

Падение самодержавия готовят „не одни только революционеры. Сами по себе революционеры были бы не страшны для правительства. Неоправимая беда монархии заключается в том, что даже ее самые верные подданные своей экономической деятельностью приближают ее гибель. А ввиду этого и революционеры могут стать грозной общественной силой. Успех их дела обеспечивается всем складом и всем ходом нашей современной общественной жизни“³⁾. Сила революционеров в том, что ослабляет самодержавие, — это совершенно ясно. „Вопрос лишь в том, сумеют ли революционеры согласовать свои усилия с направлением общественного развития. Говоря вообще, всякий протест против самодержавия согласуется с этим направлением. Но не всякий в одинаковой степени подрывает современный политический порядок. Производительный и полезный труд может быть более или менее производителем, более или менее полезен, смотря по приемам и орудиям трудящегося. Между русскими революционерами теперь единства меньше, чем когда бы то ни было: одни предпочитают один способ борьбы, другой — другие, третьи — третий — и т. д., до бесконечности, сказали бы мы, если бы число русских революционеров не было пока еще очень ограничено. Такое разделение очень печально, так как оно ослабляет силы революционеров. Но оно в то же время и неизбежно“⁴⁾, неизбежно было в эпоху перехода на новые теоретические рельсы. „Все такого рода переосмысления вызывают множество споров и разногласий. Этим-то и объясняется современное отсутствие единства между русскими революционерами“⁵⁾. Но программные споры между революционерами не могут продолжаться вечно. „Уже теперь, при всем разнообразии революционных взглядов, ясно, что только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое. Все остальные „программы“ представляют собою лишь эклектическую смесь этих

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 28.

²⁾ Там же, стр. 30.

³⁾ Там же, стр. 235.

⁴⁾ Там же, стр. 235—236.

⁵⁾ Там же, стр. 236.

двух направлений и потому осуждены на исчезновение. Постепенно взгляды наших революционеров настолько выяснятся, что их перестанут удовлетворять программы-ублюдки, и тогда одни из них со-вершено махнут рукой на социализм и выпрыгнут в либеральную колесницу, другие же совершенно усвоят себе социалистические взгляды, т. е. сделаются социал-демо-кратами¹⁾. Мысль, высказанная здесь, чрезвычайно интересная, но страдает она отсутствием перспективы,—понадобилось не менее 20 лет, в течение которых Россия два раза пережила буржуазную революцию и совершила октябрьский переворот, для того, чтобы элек-тические программы исчезли окончательно. Мелкая буржуазия оказа-лась гораздо более устойчивой, чем себе представляли в ту эпоху,—и этот факт не мог не ввести основательное изменение в перспективы и расчеты Плеханова. Гораздо скорее либералы пережили свою оп-позиционность, чем исчезла со сцены самая эклектическая из всех про-грамм и самая межеумочная из всех партий—партия социалистов-ре-волюционеров.

Но кого же тащит за собой либеральная колесница? Из каких элементов состоит наше „общество“? Частью из чиновничества, частью из дворянства, частью из буржуазии. Чего можно ожидать от каждого из этих слоев? От чиновников в лучшем случае лишь „попуститель-ства“, от буржуазии—„легальной“ оппозиции против полицейского и бюрократического произвола, от дворянства... но читатель и сам знает, что от дворянства можно ожидать теперь, главным образом, лишь выпрашивания денежных подачек у правительства.

На такой тройке далеко не уедешь. Правда, к трем перечислен-ным и сильнее перемешанным между собой слоям нужно прибавить еще слой идеологов-разночинцев, людей „либеральных профессий“, по самым условиям своей жизни враждебных самодержавию. Слой этот очень невелик, но на Западе он сыграл важную историческую роль, увлекая за собой народ в борьбу за политическую свободу. У нас ему не суждено сыграть, по видимому, такой роли, потому что он не имеет никакого влияния на народ. Опираясь на народ и преиму-щественно на рабоче население крупных центров, либеральные члены общества приобрели бы огромную силу, без поддержки же рабочего населения они—все равно, что несколько нулей без единицы впереди: ничтожество, полнейшее ничто. И ваши либералы даже и не задумы-ваются о необходимости выйти из своего ничтожества, у них даже нет помышления о распространении своих политических взглядов в на-роде. Можно ли рассчитывать на таких людей? Помышляйте, да, ведь, они и сами никогда на себя не рассчитывали!²⁾

Может вызвать недоумение кажущееся противоречие: либералы без рабочих полнейшее ничто, а революция при оппозиции либералов становится грозной силой. Но тут никакого противоречия нет, мысль эта равносильна тому утверждению, что только под руководством ра-бочего класса русское общество способно свергнуть самодержавие, утверждение, которое не только не отрицает гигантского значения для успешной борьбы рабочего класса, вообще оппозиционное на-строение „общества“, но его предполагает, и, в свою очередь, это же несколько не противоречит тому, что оппозиция без боевой активной силы рабочего класса не представляет абсолютно никакой опасности для существования царской власти, для самодержавия, есть „ничто“, как говорит Плеханов.

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 246.

Этот чрезвычайно энергичный отрывок является теперь, когда мы имеем за собой уже длинный путь проделанной борьбы, почти пророчеством. Буржуазия на Западе действительно была в силе сы-грать важную историческую роль, в России же, даже при наличии поддержки могучего революционным энтузиазмом рабочего класса, она не смогла выйти из состояния трусливого шатания в начале борьбы и постоянного предательства в процессе самой борьбы. В России буржуазия тоже сыграла „важную историческую роль“, но только отрицательную, в гораздо большей мере и степени, чем поло-жительную. Если ее сравнить с буржуазией западных стран, то не трудно будет установить, что свою историческую миссию западная буржуазия худо ли, хорошо ли выполняла, постоянно прячась за спиной народа,—русская же буржуазия и на это не оказалась спо-собной. Русская буржуазия воистину показала себя нулем для рево-люционной борьбы. Даже имея перед собой такую внушительную единицу, как рабочий класс, она на практике, на деле мало увели-чила силу единицы. Меньше, чем то можно было ожидать на осно-вании теоретических выкладок.

Однако ретроспективно нельзя судить о тактических положе-ниях. Всякая тактика обуславливается обстоятельством места и вре-мени, и совершенно понятно, почему в наших суждениях мы обязаны оставаться на исторической почве. А судя с исторической точки зре-ния мы должны подчеркнуть, что значение оппозиционной атмо-сферы было исключительно важно тогда.

Но даже и с точки зрения наших современных понятий тактика поддержки и использования либеральной оппозиции была безупреч-ной тактикой. До того, пока эти нули способны увеличивать мощь единицы, до того и нули для единицы имеют огромное значение. Но, ведь, не всегда нули с единицей увеличивают силу и значение ее. Если продолжить ту же аналогию, то нули за единицей нечто диаметри-чески противоположное нулям перед ней. Одно и то же явление спо-собно усилить, но при известных лишь условиях, при других условиях оно же может стать тормозом развития. Такова диалектика развития.

О либералах вопрос так именно и стоял: использовать их, пока они представляют силу, направленную против самодержавия. Задача политического деятеля таким образом сводилась к тому, чтобы ухватить момент, когда наступит переломный предел оппозиции против самодержавия. Мы увидим ниже, что определить этот момент оказа-лось не столь легким делом, как может показаться с первого взгляда.

Но вернемся к Плеханову.

В библиографической заметке, в том же номере „Соц.-Дем.“, где было помещено вышечитированное „Внутреннее обозрение“, мы чи-таем: „Экономически русская промышленная и торговая буржуазия давно уже заняла видную роль в обществе. Ей недоставало полити-ческого сознания и развития. С божьей помощью сторонники „патри-архальной монархии“ дадут ей его своими реакционными попытками решения социального вопроса. Энергично ведя поход против „запад-ного обскуратизма“, они толкнут наших буржуа на путь западни-чества, сделают привлекательными для них западно-европейские либеральные идеи и этим сослужат огромную службу делу русского прогресса. Пусть же работают прилежнее единомышленники „рус-ского дворянина“, пусть же реакционные дурачества все сильнее и сильнее возбуждают против современного правительства общественное мнение России. Это очень на-руку нашему брату, революционеру“³⁾.

³⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том IV, стр. 293.

В следующем, третьем номере „Соц.-Дем.“ опять-таки в заметке о книге Доверина-Чернова пишет: „Если наша торгово-промышленная буржуазия до сих пор еще не стала в оппозиционное отношение к правительству, то причина этого явления кроется именно в его заблудившем отношении к ее нуждам. Между тем, как наши либералы предаются отвлеченным рассуждениям о преимуществах „правового порядка“ (вернее было бы сказать—предавались, так как теперь наши либералы, превратившись в консерваторов, уже не дерзают распространяться о правовом государстве), царизм привлекает к себе буржуазию всем направлением своей экономической политики. Конечно, не будуча у власти, наши либералы (читай: консерваторы) не могли бы, если бы даже и захотели, подкупить буржуазию какими бы то ни было материальными подачками. Но не в подачках и дело. Самодержавие, одной рукой поддерживающее и охраняющее интересы нашей промышленности, другой рукой в то же самое время не перестает вредить ее интересам. Русский капитализм уже дошел до той стадии развития, на которой отношения его с нашей современной политической системой по необходимости будут становиться все более и более серьезными. Опираясь на это обстоятельство, наша оппозиционная печать,—если бы только у нас была печать, достойная этого названия,—могла бы теперь же начать целый поход против самодержавия... „Ставши на эту реальную почву, критикуя полицейское государство с точки зрения тех самых экономических нужд, которые оно старается удовлетворить, наша оппозиция впервые стала бы серьезной общественной силой. До тех же пор, пока она будет довольствоваться тем абстрактным либерализмом, который никак не умеет поставить свою программу в связь с важнейшими экономическими интересами страны (по крайней мере в такую связь, которая была бы очевидной не только для теоретиков, но и для людей практического дела), она по-прежнему не увидит в своих рядах никого, кроме „интеллигенции“. И по-прежнему реакционеры будут цинично смеяться над ее полнейшим бессилием“¹⁾.

Отрывки эти интересны во многих отношениях. Во-первых, видимое старательное выделение либералов и буржуазии в две различные группы по политическим идеалам и по сознательности, затем—и это особенно важно—отметка о фактическом консерватизме громкой либеральной фразеологии, которая „никак не может поставить свою программу в теснейшую связь с важнейшими экономическими интересами страны“.

3.

Как он мыслил себе задачу непосредственно практического приложения принципов к революционной повседневной деятельности? Обсуждая „всероссийское разорение“ от голода и говоря о том, что должно делать русское общество для ликвидации последствий его, Плеханов находит, что необходим ряд таких финансово-экономических мероприятий, которые самодержавие, разумеется, не проведет. „Эти реформы могут быть предприняты лишь по почину всей русской земли и осуществлены лишь при ее деятельном участии. Осуществите их—и вы похороните русский царизм. Но никакое правительство никогда еще не поднимало на себя руки. Поэтому, ничего не ожидая от царизма, надо действовать вопреки ему. Все честные русские люди, которые, не принадлежа

¹⁾ Г. В. Плеханов, Соч., том IV, стр. 303.

к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, должны немедленно начать агитацию в пользу созыва Земского Собора, долженствующего сыграть роль Учредительного Собрания, т. е. положить основы нового общественного порядка в России. Разумеется, в деле подобной агитации непременно должны обнаружиться и фракционные различия, существующие в среде людей революционного или оппозиционного образа мыслей. Но эти различия ничему не мешают. Пусть каждая партия и каждая фракция делает дело, подсказываемое ей ее программой. Результатом разнородных усилий явится новый общественно-политический строй, который, во всяком случае, будет большим приобретением для всех партий, кроме достаточно уже опозорившейся партии кнута и палки. То, что мы предлагаем здесь, есть не утопия, умышленная изгнаником, оторванным от родной почвы, а насущное, неизбежное дело. Вы можете, если хотите, осмеять наше предложение сегодня. Но ваша апатия не разрешит страшного вопроса. Если не теперь, то через год, если не через год, то через несколько лет, вам придется считаться с этим вопросом. И тогда, как и теперь, перед вами будет лежать только один путь действий: борьба с царизмом. И чем раньше вступите вы на него, тем больше выиграет вся Россия. Полное экономическое разорение нашей страны может быть предупреждено лишь полным политическим ее освобождением“¹⁾.

Эта программа была принята не достаточно дружелюбно, как я уже сказал выше. Отвечая недовольным „молочным“ из России, Плеханов делает ряд чрезвычайно интересных замечаний и высказывает несколько очень важных для нашей задачи мыслей, на которых мы не можем не останавливать внимание читателей.

Буржуазия может быть верна „престолу“ лишь до тех пор, пока „престол“ остерегается протягивать руку к его сердцу, т. е. к ее кошельку, и избегает введения подоходного налога. Как только царизм, проявивший до сих пор истинно-отеческую заботливость об интересах „всероссийского купечества“, окажется не в состоянии играть роль насоса, который, выкачивая содержимое народного кармана, переливал его в карман буржуазии, эта последняя сейчас увидит, что ей не остается ничего другого, как с честью похоронить своего „обожяемого“ родителя. И она не замедлит исполнить эту священную обязанность“²⁾. Но буржуазия не единственная сила в России. Там, где буржуазия, там и пролетариат. „Пролетариат в сравнительно короткое время распатал все „основы“ западно-европейского общества. В России же его развитие и политическое воспитание идет несравненно скорее, чем шло на Западе. В России пролетариат растет: мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. В какие-нибудь десять-двенадцать лет он изменился до неузнаваемости“³⁾. Общественное развитие России привело к образованию тех общественных классов, которым суждено быть могильщиком самодержавия. „Один из этих новых на Руси общественных классов,—и наиболее революционный из них: пролетариат—уже теперь, в лице своих лучших представителей, хорошо сознает свои политические задачи. Другой—отсталый (курсив мой. В. В.), буржуазия—должен будет сознать свои под страхом разорения. Это уже огромный шаг вперед, это надежное ручательство за лучшее бу-

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 353—354.

²⁾ Там же, стр. 382.

³⁾ Там же, стр. 383.

дущее, это полное отрицание азиатского застоя, составлявшего когда-то отличительную черту России"... „Старый экономический строй России рассыпается, как карточный домик, как гнилушка, истлевшая и обратившаяся в пыль. И теперь все мы, враги существующего порядка, чувствуем, наконец, твердую почву под ногами: теперь пришло наше время“¹⁾.

Совершенно правильно, теперь пришло „наше время“, но оно накладывает тяжелые обязанности на „нас“, ибо задачи, которые выпали на „нашу“ долю—грандиозны: предстоящая России революция—борьба за свержение самодержавия—требует от „нас“ гигантских подготовительных, организационных и агитационных работ, выполнить которые по плечу только рабочему классу; за короткий срок он проделал уже огромный шаг в деле подготовки революции, выдвинул из своей среды сознательно авангард, задачи которого в более точной форме надлежало определить; более точной потому, что в наличии уже совершенно достаточно объективных условий для конкретного и точного определения задач наиболее сознательного передового отряда.

Какую роль должен взять на себя социалистический авангард пролетариата в предстоящей подготовке революции и в ней самой? Вопрос поставлен не для того, чтобы ответить на него какой-либо общей, ничего не говорящей фразой о пользе политической свободы для социализма,—теперь уже нужны точные, деловые, конкретные указания.

О том, каков был ответ в вопросах партийно-организационных—я уже говорил выше, но и по занимающему нас сейчас вопросу он дал более точные ответы.

„Молодые“ упрекали его в том, что он приносит в жертву политической борьбе социализм. Мы уже выше убедились, как неоснователен был подобный упрек. Однако вопрос, сам по себе не безынтересный, имеет огромное тактическое значение и от него нельзя было отделаться простым опровержением.

Каково будет „наше“ отношение к политической борьбе? Подобно немецким коммунистам сороковых годов, мы будем поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка. Но ни одно из них, какие бы размеры оно ни приняло, не заставит нас спрятать свое собственное знамя. И лишь в той мере будем мы желательными и сильными союзниками других, более или менее революционных партий, в какой сумеем распространить среди русского пролетариата наши социал-демократические идеи“²⁾.

Агитация за политическую свободу должна идти неразрывно с развитием классового сознания пролетариата, забота о нем должна быть одной из самых важных забот социалиста. „Наша политическая агитация принесет для нас плоды только в том случае, если она будет содействовать росту классового сознания русского пролетариата. Классовое сознание пролетариата—это тот щит, от которого отлетят, как горох от стены, все стрелы враждебных нам партий“³⁾. Такая последовательная классовая позиция могла казаться несвоевременной и крайней, однако, как совершенно справедливо говорит Плеханов, „мы социалисты, а в глазах социалистов умеренность вовсе не заслуга“⁴⁾ (курсив мой. В. В.). Могли возразить также, что слишком открытые речи могут напугать либералов. „На это я отвечаю вот что: с нашей стороны нелепо было бы умышленно запугивать их; но если они испугаются нас как-нибудь невзначай, помимо нашей воли, то нам остается только пожалеть об их совер-

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 384—385

2) Там же, стр. 409.

3) Там же, стр. 417.

шенно уж „несвоевременной“ пугливости. Во всяком случае, мы считаем самым вредным родом запугивания—запугивание социалистов призраком запуганного либерала. Вред, приносимый таким запугиванием, несравненно больше той пользы, которую можно бы принести убеждение г. г. либералов в нашей умеренности и аккуратности“¹⁾.

Мы не можем пройти мимо только что приведенного отрывка. Читатель, вероятно, помнит вышеприведенную цитату, где он упрекает народовольцев, которые своим „красным призраком“ пугают либералов и отпугивают от революции; мы там же указали, что на том отрывке—печатъ 1883 года.

Тот отрывок без только что приведенного мог вызвать недоумение и, пожалуй, упрек, в умеренности, неревOLUTIONности, боязни пугать либералов и т. д., хотя и там по общему смыслу совершенно несомненно, что речь идет об умышленном запугивании, однако дополненная только что приведенным мысль эта приобретает глубокий смысл и значение. Действительно, самый вредный вид запугивания „запугивание социалистов призраком запуганного либерала“. Эта истина не раз впоследствии была доказана экспериментально. Пугать фантастическими рассказами о непосредственной экономической революции не умно. Но на этом основании пугаться иметь свои последовательно продуманные воззрения—преступно с точки зрения интересов революции.

Вводъ не в запуганном либерале, дело в трусости общества, в его вялости и нерешительности. Откуда оно взялось? „Общество трусливо, потому что силы его слишком ничтожны перед силами правительства. На силы же учащейся молодежи и революционной „интеллигенции“ оно тем менее может возлагать какие-нибудь политические надежды, что и молодежь и „интеллигенция“, не будучи в состоянии справиться с правительством, беспреданно просят у него помощи. Несомненно, бывают обстоятельства, когда даже безнадежная борьба нравственно обязательна для всякого честного человека. Несомненно также, что в современной России обстоятельства сложились именно таким образом. Но все, что ни сказали бы мы „обществу“ по этому поводу, остается гласом вопиющего в пустыне. Общество будет трусливо, оно не выйдет из своего политического бездействия до тех пор, пока противники существующего порядка вещей не выставят силы, способной померяться с силой правительства“²⁾.

Это—его излюбленная мысль. Где же оно может найти эту силу, не раз уже было указано Плехановым: единственная сила, которая в состоянии вывести общество от бессилия—это рабочий класс. „Только рабочий класс способен нанести смертельный удар царизму. Буржуазия, как русская, так и западно-европейская, в лучшем случае, не пойдет в борьбе против него дальше бессильной оппозиции“³⁾. Только рабочий класс. И если находятся в изобилии филистеры, которые с самодовольством указывают на то, будто рабочий класс России „глуп и неразвит“, то лучшим ответом на их клевету были непосредственно вслед за голодом 1891 г. последовавшие выступления: „Голод 1891 года застал трудящуюся Россию в самом беспомощном экономическом положении. Но, к счастью, для нее, в политическом отношении она уже не беспомощна. Русский рабочий бедняк, но он не дурак. И в этом обстоятельстве заключается надежнейший залог успеха для революционеров“⁴⁾.

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 417.

2) Там же, стр. 316.

3) Там же, стр. 97.

4) Там же, стр. 124.

Недаром в 90-м году Плеханов, советуя русским соц.-демократам вести агитацию за празднование 1-го мая, писал: „оно будет больше, чем всякое другое действие, способствовать развитию классового сознания в русском пролетариате. А когда разовьется это сознание, когда русские рабочие возвысят голос в защиту своих интересов, когда они хоть отчасти проникнутся теми стремлениями, которые одушевляют теперь их западных братьев, тогда недолго просуществовет и русское самодержавие. Метла рабочего движения навсегда сметет его с лица русской земли“¹⁾. Непосредственно вслед за голодом) и даже в год самого голода) началось у нас празднование 1-го мая, много способствовавшее росту революционного авангарда пролетариата.

Приблизительно к этой же эпохе относится другой, для нас чрезвычайно важный документ: я говорю о докладе Брюссельскому Конгрессу 1891 года.

Этот доклад является итоговым отчетом. В нем Плеханов подводит баланс своей политической и тактической деятельности 80 годов, и с этой точки зрения доклад представляет исключительный интерес.

Что говорит он по интересующему нас вопросу? „Наши либералы далеко не находятся у власти: человек с либеральными взглядами является человеком подозрительным в глазах нашего правительства. В качестве партии, оппозиционной нашему современному режиму, либералы, очевидно, являются прогрессивной силой в нашей стране“²⁾.

Но они не борются с правительством активно, ограничиваясь лишь мирной оппозицией. „Либеральные идеи до сих пор очень слабо захватили нашу промышленную буржуазию. В большинстве случаев наши либералы, так же, как и революционеры старого бакунистского закала, принадлежали к так называемой „интеллигенции“. Для многих людей из этого социального слоя либерализм часто является только одной из фаз эволюции. Тот же самый человек, который был „социалистом“ на университетской скамье, становится „либералом“ по получении диплома, когда удалось устроиться и составить себе положение“³⁾.

Выше я уже отметил, что Плеханов отделяет понятие либералы от понятия буржуазия, мы здесь имеем ясную и точную формулировку его мысли. Либерал—это, прежде всего, оступившийся интеллигент-радикал, отсюда и его различие от западного своего прообраза. „Западные либералы говорят, что рабочий может много выиграть, живя в мире с капиталом. Русские либералы ничего не говорят по этому поводу по той причине, что они отрицают самое существование пролетариата в России“⁴⁾. Они не прочь пококетничать с народом, но под словом „народ“ они разумеют, подобно своим народническим теориям, крестьянство. Этим русское либеральное движение обрекает себя на бездействие и бессилие, ибо известно, „что везде, где либеральные партии имели влияние на политическую жизнь своей страны, они обязаны были этим влиянием поддержке народа и, в особенности, пролетариата. Без этой ценной поддержки они теряют всю свою силу, потому что вдали от народа либеральная партия только штаб без армий, а штабы сами по себе не могут никому внушать страха“⁵⁾. Царизм не без основания спокоен по части либералов: он подкупает буржуазию и тем задерживает ее переход в либеральный лагерь, „сторонники которого рекрутируются, главным образом, среди буржу-

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., т. III, стр. 140.

²⁾ „Под знаменем марксизма“ № 6—7 за 1923 г., стр. 83.

³⁾ Там же, стр. 84.

азных идеологов „либеральных профессий“¹⁾. Не они, а рабочий класс в состоянии испровергнуть самодержавие. „С промышленным пролетариатом впервые в нашей истории появляется революционная сила, способная испровергнуть царизм и ввести нашу страну в великую семью цивилизованных народов. И мы можем без всякого преувеличения сказать, что вся дальнейшая эволюция России зависит от умственного развития русского пролетариата“²⁾.

Не трудно заметить, что Плеханов в кратких словах резюмирует для делегатов Конгресса те свои мысли, которые он развивал в течение всех 80-х годов.

Тем не менее мы сочли важным остановиться на докладе, ибо он дает ясную формулировку того, что понимает Плеханов под либералами и какую зависимость он устанавливает между ними и буржуазией. Это важно именно потому, что, когда в дальнейшем на сцене появятся подлинные идеологи буржуазии, тогдашние либералы потеряют свое самостоятельное значение и своим именем будут украшать совершенно новое содержание.

С ростом рабочего движения неизбежно должен был уже практически возникнуть ряд вопросов вокруг отношения к буржуазным партиям.

Допустим ли компромисс с ними? Анархисты, которые в начале 90-ых годов особенно шумели, выдвигали безоговорочно отрицательный ответ на этот вопрос.

Разумеется, вопрос этот не был столь остр для русских организаций, как для германской партии, но все же ответ Плеханова на этот вопрос, написанный для немцев, и для нас представляет интерес, он позволяет нам выяснить развитие взгляда Плеханова на этот вопрос. „Много говорят о том, что социалисты не должны вступать ни в какие компромиссы с буржуазией. Те, что говорят это, совершенно правы. Но что называть компромиссом с буржуазией? Когда пролетариат борется вместе и одновременно с либеральной буржуазией против феодализма, не может ли тогда показаться, что пролетариат вступил в сделку с буржуазией. Совсем нет, так как всякий компромисс с буржуазией есть политический договор, который в той или иной форме должен задержать развитие классового самосознания рабочих. Поскольку тактика социалистической партии в какой-нибудь стране способствует проявлению этого самосознания, смешно говорить о компромиссах, каковы бы ни были временные отношения социалистов к другим политическим партиям“³⁾.

Это почти то же, что было сказано им в письмах его о голоде, но более ясно и более точно. Вопрос о компромиссе есть вопрос революционной целесообразности. Это несомненно. Но анархисты недаром метафизики, этого им не понять.

4.

Конец 90-х годов почти целиком ушел на теоретическую борьбу с народниками, с бернштейнцами, неокантовцами, с легальным марксизмом.

Плеханов занимался разработкой целого ряда теоретических проблем, пытался использовать „легальные возможности“ для пропаганды марксизма в России.

¹⁾ „Под знаменем марксизма“, № 6—7 за 1923 г., стр. 87.

²⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том IV, стр. 257.

На практике шла та же подготовка, то же накопление сил для будущего революционного взрыва. Вторая половина 90-х годов была временем созревания тех возможностей, которые давно уже наметились в рабочем классе и о которых неустанно говорил Плеханов. Его пропаганда в этом деле играла исключительно важную роль. Вся подрастающая революционная молодежь на его трудах училась научному социализму, он своей пропагандой готовил основной кадр нарастающей партии.

Но уже в 1898 году появились симптомы того, что вновь на очередь дня станут вопросы, казалось бы, давно решенные. На этот раз, как результат практики, как потребность самого рабочего движения, встали почти все те вопросы, над разрешением которых так долго трудился Плеханов. В том числе и вопрос об отношении к либеральной буржуазии.

Выдвинутые при новой обстановке старые вопросы тем не менее не становились новыми; то обстоятельство, что в начале XX столетия старые вопросы были вновь выдвинуты, несмотря на их решение, могло натолкнуть на мысль, будто старое решение было неудовлетворительное. Но это не так. Не вследствие ошибок и недооценок в решении, а самой жизнью и самим потоком стихийного движения рабочего класса снизу выдвинуты были они вновь на очередь. То, что было теоретически выведено из разрозненных данных практики рабочего движения нашей страны и опыта западно-европейских партий, то к началу столетия нуждалось в проверке и испытании, то, что было теоретически предположено, то практика реализовала, и в процессе реализации стремилась осмыслить и теоретически оформить.

И читатель не забыл, надеюсь, что до сих пор рассмотренные положения Плеханова блестяще оправдывались при проверке, как столь же блестяще оправдало движение начала столетия учение Плеханова об отношении к либералам.

Одним из ярких доказательств роста пролетариата было возникновение у нас экономизма.

Это было совершенно неизбежным последствием непрерывного роста революционного движения. Были совершенно неизбежны попытки препятствовать возникновению самостоятельности политической партии пролетариата, известные слои рабочего класса, его наиболее привилегированная часть должна была вместе с радикальствующими интеллигентами, примкнувшими к рабочему движению, выдвинуть идею этапов в борьбе пролетариата за свое освобождение, и для данного этапа идею необходимости совместной с либералами и радикалами борьбы с самодержавием; но при отсутствии самостоятельной политической рабочей партии такое „участие“ по необходимости превратилось бы в простое слияние с радикальной или либеральной буржуазией¹⁾. Эта точка зрения не чужда была и западно-европейской буржуазии, всюду такие попытки были. „Но стремление навязать рабочим этот символ веры означает лишь желание буржуазии эксплуатировать рабочих в политике“²⁾.

Таким образом экономисты играли у нас роль подголосков либерализма, проводниками буржуазного влияния на рабочий класс. Подлинный же представитель рабочего класса рассуждает иначе. „Русский рабочий класс страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма. Самым тяжелым для пролета-

1) Г. В. Плеханов, Сочин., т. XII, стр. 36 (цитирую по корректуре В. В.).

риев последствием неразвитости нашей экономики является их политическое бесправие, делающее из них рабов первой встречной кокарды и чрезвычайно затрудняющее их борьбу с капиталистами. Завоевание политических прав, разрушение абсолютизма составляет поэтому необходимое условие правильного развития этой борьбы. Русский социал-демократ выясняет рабочему не только ту враждебную противоположность, которая разделяет его интересы от интересов предпринимателей, но также и ту, которая существует между его интересами, с одной стороны, и интересами самодержавия—с другой. Но интересы самодержавия враждебны интересам не одних только рабочих. Поэтому в борьбе с самодержавием заинтересованы не одни только рабочие. Русская социал-демократия сделала бы непростительную ошибку, если бы она упустила из виду это важное обстоятельство и не сумела воспользоваться им в интересах освободительного движения пролетариата. Она не может игнорировать те слои русского населения, в которых живет дух оппозиции. Маркс и Энгельс высказали в „Манифесте Коммунистической Партии“ ту мысль, что коммунисты обязаны поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка. Эта мысль сохранила все свое великое значение и для нашего времени. Она должна руководить нас в наших отношениях к „обществу“. Мы не только не имеем права игнорировать существующее в его среде оппозиционное течение, но обязаны старательно и постоянно выставлять на вид сторонникам этих течений те наши политические стремления, которые делают из нас самых решительных и самых непримиримых врагов абсолютизма. Нам нечего бояться сближения с оппозиционными слоями нашего общества; нам надо позаботиться только о том, чтобы они не подчинили нас своему влиянию и руководству. А такое подчинение сделалось бы возможным,—и даже неминуемым,—только в том случае, если бы у нас восторжествовало экономическое направление“¹⁾. Но экономизм не восторжествовал и очень скоро был разбит в борьбе, тем самым первая попытка проведения буржуазного влияния на рабочее движение была не из удачных.

Разговор о ненужности особой политической партии при этом, разумеется, сводился к походу против социализма в интересах политической борьбы, к забвению классовой борьбы и сближению пролетариата с буржуазией.

Нужно при этом отметить, что такую тактику Плеханов принимал лишь до тех пор, пока борьба шла против самодержавия и в его лице против остатков феодализма, для запада же, где имеется уже пройденный этот этап, он в этом вопросе примыкал к точке зрения крайних левых. „По вопросу о союзе с буржуазными партиями конгрессу предложено было Гедом решение, принятое за несколько дней до того на конгрессе французской рабочей партии в Иври и гласящее, что союзы этого рода (не забывайте, товарищи, что речь идет о западе, где уже существует конституционный порядок) всегда опасны для социалистической партии и потому их надо довести до минимума, заключая их только в исключительных случаях и только на время. Это решение было принято конгрессом единогласно. Разумеется, очень можно усумниться в том, что оно вполне точно выражало взгляд сторонников „нового метода“. Но они не возражали против него, вероятно, успокаивая себя той мыслью, что дело не в самом решении, а в его истолковании“... „Но хотя решение,

1) Там же, стр. 99—100.

принятое в Париже относительно союза с буржуазными партиями и может быть ложно истолковано теми, которые найдут свою выгоду в ложном его истолковании, все-таки не подложит сомнению, что, принимая это решение, Парижский конгресс сделал все, от него зависящее, для того, чтобы ясно и точно ответить на стоявший перед ним вопрос¹⁾. Использовать либеральную буржуазию можно лишь постольку, поскольку она оппозиционна, а ее оппозиция в силу ее положения неизбежно ограничивается борьбой с остатками феодализма. Ликвидация самодержавия ставит на сцену двух антиподов, — буржуазию и пролетариат, — между которыми, разумеется, не может быть никакого разговора о длительном союзе. Это логически неизбежно вытекает из общей позиции Плеханова.

Но вернемся к русским делам. Что не понимают упорно экономисты вслед за либералами, это то, что в политической борьбе нужна сила, которой не может являться либеральная и радикальная интеллигенция. В этом — основной вопрос! „Мы должны быть смиренны, потому что мы бессильны. Это по-своему совершенно логично. Кто требует, тот должен быть готов, в случае отказа, вступить в борьбу. Для борьбы нужна сила. Исход борьбы зависит от соотношения сил. Кто заранее сознает себя бессильным, тот не требует ничего; он только просит и надеется. Все это вполне верно и все это значит, что свободо-мыслящая часть русских обывателей добьется своих благих пожеланий только в том случае, если будет обладать силой. Вопрос нашей политической эмансипации есть вопрос силы. Из этого само собой вытекает такой вывод. Кто не содействует, тем или другим способом, росту силы, способной положить конец существующему у нас порядку вещей, тот ровно ничего не делает для освобождения своей родины, а кто по той или другой причине, хотя бы, например, по причине неумения или нетерпения, препятствует росту этой силы, тот совершает тяжкий, хотя, может быть, и невольный грех против свободы“²⁾.

Отсутствием этой силы и следует объяснить то, что русское общество до сего времени выдвигает на борьбу с царизмом лишь отдельных благородных лиц из своей среды, а не поднимается как один человек. „Постыдная апатичность нашего общества легко объясняется тем, что оно не могло рассчитывать на деятельную поддержку со стороны народа“... „В обществе явится бодрость и надежда на лучшее будущее, когда оно увидит, что в народной массе или хотя в некоторой, наиболее развитой ее части начинается движение, способное поколебать непоколебимую прежде основу „власти роковой““³⁾. Такое движение уже не ожидание, не возможность, а реальный факт — это революционное движение рабочего класса. Массовые забастовки, стихийно прокатившиеся по России, поддержка рабочими студенческих волнений — лучшее указание либералам, где та сила, которая выведет общество из состояния бессилия. „Теперь ясно, что студенчество и общество могут быть сильны не „заботливой благожелательностью царя, составляющей надежную „опору“ только для разбойников пешей и конной полиции, а поддержкой со стороны рабочего класса. Теперь борьба с царизмом утрачивает свой, некогда безнадежный характер. Теперь сама жизнь

¹⁾ Там же, стр. 107, 108.

²⁾ Там же, стр. 153.

³⁾ Там же, стр. 154, 155.

вятно отвечает на вопрос, где можно найти силу, необходимую для борьбы за политическую свободу“¹⁾. Таковая сила уже выступила на сцену, и обществу остается лишь поддержать эту силу. „Поддержка со стороны общества ускорит рост и приблизит торжество революционной силы народа“²⁾.

Ближайшая задача революции — низвержение самодержавия — есть задача, осуществление которой в интересах не только рабочего класса, но и общества; совершенно ясно, почему интересы авангарда рабочего класса в этом пункте совпадают с интересами свободомыслящей части общества. „Полное и всестороннее совпадение наших интересов с интересами передовых элементов общества, а следовательно, и полное и всестороннее сочувствие этих элементов социал-демократии возможно было бы только в том случае, если бы мы, подобно нашим легальным будто бы марксистам, отказались от мысли о будущей диктатуре революционного пролетариата и ограничились проповедью „социальной реформы“, не идущей дальше смягчения некоторых грубых и устранения некоторых отсталых форм эксплуатации человека человеком. Уподобившись таким будто бы марксистам, мы действительно могли бы рассчитывать на симпатии решительно всего общества, за исключением только Разуваевых разных сословий, да небольшой горсти варвариков старой и новой формации. Сочувствие к нам всех остальных общественных слоев и течений несомненно было бы сильнее, а главное — цельнее. Но тогда мы превратились бы в смягченных и облагоустроенных буржуа и перестали бы быть партией революционного пролетариата. А это обстоятельство значительно подорвало бы нашу силу, силу всего освободительного движения, идущего из среды народа“³⁾.

Подорвало бы, ибо пролетариат, который составляет подлинную реальную силу революции, черпает свою революционную энергию, достигает наибольшей силы тогда, „когда он ясно увидит нашу конечную цель: социальную революцию, полное уничтожение эксплуатации трудящихся. Вот почему ваше превращение в ручных будто бы марксистов было бы очень невыгодно для нас даже с точки зрения нашей ближайшей политической цели, не говоря уже об огромнейшей невыгоде его с точки зрения будущности русского рабочего движения. И вот почему о таком превращении не может быть и речи. Мы будем поддерживать всякое движение, направленное против существующего порядка вещей. Но мы ни на минуту не перестанем вырабатывать в умах рабочих ясное представление о нашей конечной цели. Мы хотим, чтобы борьба с царизмом служила для пролетариата школой, всесторонне развивающей его классовое самосознание“⁴⁾.

Такова та программа действий, которая была выставлена против либеральной кашпичи экономистов революционным марксизмом.

Если мы попытаемся в самых общих чертах сравнить ее с той программой, которую развивал Плеханов в 80-ых годах, то читатель, надеюсь, убедится, что все более и более конкретизируя, уточняя формулировку, по существу Плеханов оставался верен тем же самым своим утверждениям, которые были им высказаны в начале его социал-демократической деятельности.

¹⁾ Там же, стр. 158—159.

²⁾ Там же, стр. 161.

³⁾ Там же, стр. 163—164.

⁴⁾ Там же, стр. 164.

При желании можно было бы из „Искры“ привести много отрывков, показывающих, как он последовательно и умело применял свои революционные положения к решению повседневных политических задач, но полагаю в этом нет нужды, весь приведенный до сего материал совершенно достаточен для суждения о том, как Плеханов разрастал вопрос, занимающий нас, и как с течением времени это решение все более и более уточнялось и конкретизировалось.

Наша программа формулировала ответ на этот вопрос следующими словами: „Стремясь к достижению своих ближайших политических и экономических целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упреждением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами“¹⁾.

Внося таким образом в программу один из главных пунктов „Комм. Маниф.“ почти целиком, Плеханов имел все основания не ждать никаких возражений, однако вышло не так: на съезде Плеханов столкнулся по этому вопросу с экономистами.

Разъясняя, почему он включил в свой проект программы этот пункт, Плеханов говорит: „Выражение, о котором шла речь, почти буквально взято из „Манифеста Коммунистической Партии“. И мы считали полезным повторить его в нашей программе. Мы считали это полезным потому, что хотели оттенить различие своих взглядов у народников и социалистов-утопистов. Народники и социалисты-утописты высказывались против политической борьбы буржуазии, будучи убеждены, что торжество политической свободы упрочит экономическое господство буржуазии. Мы готовы поддерживать это движение потому, что оно облегчает нашу собственную борьбу с существующим политическим порядком. Но, поддерживая его, мы, согласно тому, что говорится в том же Коммунистическом Манифесте, ни на минуту не перестаем развивать в умах рабочих сознание враждебной противоположности их интересов с интересами буржуазии. И вот почему наша поддержка его не заключает в себе ничего опасного для нас“²⁾, отвечая Мартынову, он разъясняет ему, как он понимает этот пункт программы: „Я не понимаю, о чем, собственно, мы спорим. Тов. Мартынов говорит, что мы должны поддерживать только демократическое движение. Ну, а как быть с либеральными движениями? Выступать против них? Этого мы не можем, не уподобляясь тем немецким „истинным социалистам“, над которыми так едко смеется Маркс в Манифесте Коммунистической Партии. Тов. Мартынов говорит, что мы должны поддерживать либералов, и поясняет это: мы должны критиковать их, разоблачать их половинчатость. Это верно. Но это мы должны делать также и по отношению к так называемым соц.-революционерам. Мы должны разоблачать их узость, их ограниченность; мы должны показать пролетариату, что истинно революционно теперь только социал-демократическое движение. Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны разъяснить пролетариату, что, по сравнению с абсолютизмом даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть

¹⁾ „Искра“ № 21, от 1/VI 1902 г. „Проект программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“.

²⁾ Полный текст протоколов. Второй очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Издание Центрального Комитета, типография Партии.

шаг вперед, и что, поэтому, он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции. Повторяю, поддерживать движение, направленное против существующего порядка, не значит говорить пролетариату, что оно достаточно широко, и этого отнюдь не говорит наша программа“³⁾.

Текст речи передан очень сжато и, нужно полагать, не совсем гладко, но при всем том по этой речи нетрудно составить себе представление о том, какие выдвигались возражения экономистами против этого пункта проекта. Но экономизм был прижат к стене и едва подавал признаки жизни, а после съезда и совсем погиб. Гораздо большую опасность представляло другое течение.

Мы уже выше отметили, что либералы конца 80-х годов рекрутировались из числа остепенившихся радикальствующих интеллигентов с течением времени, по мере левення буржуазии, по мере назревания ее классового самосознания, должны будут уступить свое место новому элементу с ярко выраженным классовым лицом и идеологией; на смену ничего не говорящего народолюбия либералов 80-х годов пришло ярко антипротетарское буржуазное движение, возглавляемое „Освобождением“ Петра Струве.

И это было в порядке вещей. Вышедший из народничества трусливый и сентиментальный либерал той эпохи, когда рабочий класс еще только был в процессе собирания своих революционных сил, а под словом народ неизменно понималось крестьянство—был чрезвычайно обескуражен, когда после голода на историческую авансцену выдвинулась такая буйная стихийная сила, как рабочий класс, переворачивавший вверх дном не одно до того установившееся понятие и систему. Старый доморощенный либеральный интеллигент продолжал не понимать суть дела, не видеть противоречие между тем, что есть, и тем, что он себе представляет, в то время, как мелкая буржуазия и молодой капитализм выдвигали на его смену нового человека.

До определенного момента буржуазии был выгоден такой опустошительный поход рабочего класса на пережитки старины; поэтому и его „новые люди“ присоединились к этому походу. Но шел он с ним лишь до определенного момента,—до того момента, как не выяснилось, что рабочий класс, его авангард, не только разрушает старые понятия и представления, но и создает свою новую классовую, прямо направленную против капитализма, систему, в которой вассальственная революция занимает подобающее себе место повивальной бабки нового общества.

Либеральная интеллигенция новой формации, которая вооружалась марксизмом для борьбы с пережитком старых идеологий, мешавшей во многих отношениях развитию идеологии буржуазии—совершенно естественно отошла в лагерь врагов рабочего класса, когда убедилась в невозможности помешать образованию классовой партии пролетариата, когда увидела в этом походе прямую угрозу капитализму, господству буржуазии.

Наиболее опасным врагом рабочего класса представлялись именно они,—кто еще вчера был в числе друзей, а ныне развивал антипротетарскую, антиреволюционную идеологию, противопоставляя революцию—эволюцию, вассальственным переворотам—мирные реформы. То, что блестяще подметил Плеханов в своей статье против П. Струве в последнем—своейственно всем легальным марксистам.

„Г. П. Струве стоит за „социальную реформу“. Мы уже знаем, что эта пресловутая реформа не идет дальше штыпания буржуазной

³⁾ Протоколы II съезда.

общественной „ткани“. В том виде, какой придается ей в теории г. П. Струве, она не только не угрожает господству буржуазии, но, напротив, обещает поддерживать его, содействуя упрочению „социального мира“. И если наша крупная буржуазия до сих пор и слушать не хочет об этой „реформе“, то это не мешает нашему „нео-марксизму“ быть лучшим и самым передовым выражением общих специально политических интересов буржуазного класса, как целого. Теоретик нашей мелкой буржуазии виет дальше и судит лучше, чем дельцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикам нашей мелкой буржуазии будет принадлежать руководящая роль в освободительном движении нашего „среднего класса“. Мы несколько не удивимся, если тот или другой из наших критиков дойдет в этом смысле до степеней весьма „известных“ и станет, например, во главе наших либералов“.

Именно так. Делец—плохой теоретик и тут всегда дельцу на подмогу идет мелко-буржуазный интеллигент, либерал новой формации, который гораздо лучше, чем делец, выражает общие специально-политические интересы буржуазного класса, как целого; а долгие они действительно до степеней весьма „известных“.

Это обязывало партию быть сугубо на чеку и разъяснять рабочему классу характер нового явления; нужно было, пользуясь всяким подходящим обстоятельством, показать передовому рабочему, что скрыто за этой проповедью мирных средств, какая классовая подоплека у этого нового реформизма.

Резолюция второго съезда, предложенная Плехановым, и отмечает как раз это:

„Принимая в соображение, что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в борьбе с царизмом, что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана различать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность.—Второй Очередной Съезд РС.Д.Р.П. настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на антиреволюционность и противoproлетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве „Освобождение“.

То, что мы хотели доказать в нашей статье, читатель, вероятно, вывел сам из всего того материала, который мы привели выше. Начиная с самого начала своей социал-демократической, революционно-марксистской деятельности, Плеханов в числе других вопросов дал подлинно революционное решение и по занимаемому нас вопросу: постановления II съезда и формула нашей программы прямо и непосредственный вывод из всего того, что Плеханов писал по этому вопросу.

Статья г. Пролетариат и мелко-буржуазная демократия (крестьянство и интеллигенция).

Но если либеральная буржуазия занимала такое исключительно большое место в политических расчетах Плеханова, то крестьянство, наоборот, было им не доценено, во всяком случае из всех общественных классов, которыми рабочему классу надлежало руководить, и над

которыми рабочий класс должен был быть гегемоном, крестьянство занимало в его расчетах незаслуженно малое место.

Объясняется это рядом причин. Во-первых, это следует объяснить реакцией против жепомерного увлечения крестьянством народников и либералов, во-вторых—и это очень важно отметить—крайне медленный процесс разложения селской общины давал очень мало оснований надеяться, что крестьянство к моменту революции будет достаточно политически зрело, и затем западно-европейский пример, где крестьянство нередко выступало как реакционной сила,—все эти причины в совокупности мешали Плеханову с надлежащей объективностью оценивать роль крестьянства в предстоящей революции.

Однако было бы большой ошибкой на этом основании утверждать, что Коммунистическая Партия в своем огромном наследстве от Плеханова не имела ничего по вопросу о крестьянстве.

Ошибка. И по вопросу о крестьянстве мы от Плеханова получили много чрезвычайно ценных указаний и суждений, которые в последующем ходе революции вошли целиком в наше большевистское построение, послужили основой нашего большевистского учения.

Попытаемся дать читателю представление о той сумме идей, которую Плеханов до II съезда внес в сокровищницу пролетарской мысли по обсуждаемому вопросу.

Уже с первых шагов марксизма в России враги его бросали ему упрек в том, будто он не придавал никакого значения крестьянству: метафизику, каковыми были и народники и либералы, очень не трудно было из утверждений Маркса сделать ряд выводов, нелепость которых для марксиста не подлежит сомнению. Так, например, из утверждения марксистов, что община разлагается, выбрасывая при этом из деревень пролетаризованную бедноту, служащую резервом для промышленности, постоянный резерв—из которого рекрутируется рабочий класс—враги марксизма делали вывод, будто марксисты учат, что социалисты в среде крестьянства не встретят поддержки до момента, когда крестьянин не превратится в безземельного крестьянина.

Нелепость подобного „вывода“ очевидна, ошибка заключается в том, что смешивается в одну кучу неизбежный процесс пролетаризации части крестьянства с сословно-классовыми интересами крестьянства, которые, ведь, действуют параллельно с процессом экономической дифференциации крестьянства под влиянием возникновения и развития в стране капитализма, осознания сословно-классовых интересов хозяйственно устойчивых крестьян-собственников, не народилась непосредственной и прямой связи с процессом развала общины, пролетаризацией бедноты и т. д. Отвечая на подобные умозаключения, Плеханов справедливо отмечает: „Мы думаем, что, в общем, русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую „национализацию земли“. При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу. Но мы не преувеличиваем сил наших социалистов и не игнорируем тех препятствий, того сопротивления среды, с которыми им неизбежно придется считаться в своей деятельности. Поэтому, и только поэтому, мы думаем, что им следует, на первое время, сосредоточить главное свое внимание на промышленных центрах. Современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной поли-

тической инициативе, но и менее их восприимчиво к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией. Ему труднее усвоить социалистические учения, потому что условия его жизни слишком непохожи на условия, породившие эти учения. К тому же, крестьянство переживает теперь тяжелый, критический период. Прежние „старо-деловские устои“ его хозяйства рушатся, „сама несчастная община дискредитируется в его глазах“, новые же формы труда и жизни еще только складываются, и этот сознательный процесс обновляет наибольшую интенсивность именно в промышленных центрах. Как вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образует в других местах новые бсадки и отложения, так процесс русского социального развития образует новые общественные формации, разрушая вековые формы отношений крестьян к земле и друг к другу. Эти новые общественные формации несут в себе зародыши нового общественного движения, которое одно только и может положить конец эксплуатации трудящегося населения России“¹⁾.

Таким новым общественным движением является рабочее движение, которое не может остаться безучастным к судьбам движения крестьянства; социалистическая партия пролетариата, добившись политической свободы, „должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства“²⁾.

И если обнаружится, что среди крестьянства имеются возможности сильного самостоятельного движения, то рабочая партия была бы безнадежно доктринерской, если не изменила бы в соответствии с этим распределением своих сил: „едва ли нужно прибавлять, что наши социалисты должны были бы изменить распределение своих сил в народе, если бы в среде крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движение“³⁾.

Нам кажется совершенно бесспорным, что вышеприведенная первая попытка дать систематизированный ответ на отношение к крестьянству способна удовлетворить самого требовательного марксиста.

На самом деле, стоит только не упускать из виду экономическое состояние страны и классовые отношения 80 годов, этот действительно критический период для русского крестьянства, чтобы совершенно оправдать, во-первых, чрезвычайно сдержанный характер ответа, а во-вторых, особенно настойчивое перенесение центра тяжести всей деятельности в рабочую среду. Действительно, единственный класс, который мог особенно быстро прийти к политической зрелости, был рабочий класс, в то время как крестьянство в эту эпоху представляло собой еще совершенно не определившуюся, не дифференцированную, очень костную массу, которая не изжила даже своего сословного лица. Строить свои революционные расчеты на нем было бы чрезмерной близорукостью, ближайшую задачу революции может выполнить лишь рабочий класс, гегемон грядущей революции—ему максимум внимания и труда должны посвятить истинные революционеры.

Повторяю, самый требовательный марксист наших дней не может обвинить Плеханова ни в чем, что бы противоречило марксизму.

„Наши разногласия“ лишь подвели подробный экономический фундамент под вышеприведенное утверждение.

Когда хотят подчеркнуть недостаточную последовательность Плеханова в 80-х годах, обычно указывают на его отношение к общине и роль его в грядущей социалистической революции. „Всем известно,

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 87.

2) Там же, стр. 88.

что современная сельская община должна уступить место коммунизму, или окончательно разложиться. В то же время) экономическая организация общины не имеет тех пружин, которые толкали бы ее на путь коммунистического развития. Облегчая переход нашего крестьянства к коммунизму, община не может, однако, сообщить ему необходимой для такого перехода инициативы. Напротив, развитие товарного производства все более и более подрывает старый общинный принцип. И нет у нашей народнической интеллигенции возможности одним решительным движением устранить это коренное противоречие. На ее глазах некоторая часть сельских общин падает, разрушается, становится „бичом и тормозом“ беднейшей части общинников. Как ни печально для нее это явление, но она решительно не в силах помочь ему в настоящее время. Между „народом“ и народолюбцами нет решительно никакой связи. Разлагающаяся община остается сама по себе, ее интеллигентные печальники—сами по себе, и ни та, ни другие не в состоянии положить конец этому печальному положению дел. Как же выйти из этого противоречия? Неужели нашей интеллигенции приходится махнуть рукой на всякую попытку практической деятельности и утешаться „утопиями“ во вкусе Г. Успенского? Ничуть не бывало. Наши народники могут спасти, по крайней мере, некоторую часть сельских общин, если только они пожелают апеллировать к диалектике нашего общественного развития. Но и такая апелляция возможна только при посредстве рабочей социалистической партии“¹⁾.

Спора быть не может о том, что община разлагается, и при своем распадении она выделяет силу (особенно в промышленных губерниях), которой революционеры не могут пренебречь. Сила эта пролетариат. „Через них и с их помощью социалистическая пропаганда проникнет, наконец, во все закоулки деревенской России. Кроме того, своевременно сплоченные и организованные в одну рабочую партию, они могут послужить главным оплотом социалистической агитации в пользу экономических реформ, предохраняющих общину от повсеместного разложения. А когда придет час окончательной победы рабочей партии над высшими сословиями, то опять-таки она, и только она, возьмет на себя инициативу социалистической организации национального производства. Под ее влиянием—а при случае и давлением—сохранившиеся сельские общины, действительно, начнут переходить в высшую, коммунистическую форму. Тогда выгоды, представляемые общинным землевладением, станут действительными, а не только возможными, и народнические мечты о самобытном развитии нашего крестьянства осуществятся по отношению, по крайней мере, к некоторой ее части. Таким образом силы, освобождающиеся при разложении общины в некоторых местностях России, могут предохранить ее от полного разложения в других местностях. Нужно только уметь правильно и своевременно утилизировать и направить эти силы, т. е. как можно скорее организовать их в социал-демократическую партию“²⁾.

Несомненно, все это—компромисс, который никак не мирится с тем блестящим анализом хозяйственных тенденций, которые господствовали в России.

Противоречие не скрыть и тем, что Плеханов значительно ослабил силу своего утверждения оговорками и ограничениями.

Откуда эта невязка? Некоторые историкки утверждают, что, на

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 347.

2) Там же, стр. 348.

самом деле, Плеханов в эту пору еще не изжил остатков своего былого народничества.

Это не верно. Если бы это было так, тогда противоречивые и непоследовательные суждения заметны были бы на всем протяжении обоих его блестящих трудов. Однако ни один историк этого не утверждал и утверждать не в силах будет. Вему его строгому марксистскому построению резко противоречит лишь его два утверждения: приведенное—об общине и о терроре.

Не ясно ли из этого, что правы не историки, а сам Плеханов, который даст, на наш взгляд, чрезвычайно правдоподобное объяснение обсуждаемому факту?

Нельзя было не считаться с установившимися предрассудками революционной интеллигенции, нельзя было не уступать в пунктах, где такая попытка не могла искривить общую линию ортодоксального марксизма. И Плеханов уступил в двух пунктах наиболее одиозных, но и наименее вредных.

Разумеется, ожидаемого эффекта уступка не дала, но это произошло не по вине Плеханова. Уже к концу 80 годов была изжита всякая иллюзия на счет того, что можно привлечь в лагерь революционного марксизма народническую интеллигенцию путем уступок. Правда, оптимистическая компромиссная формула „Наших разногласий“ еще сохранена в программе 1888 года. Перечисляя требования, выдвигаемые социал-демократией, Плеханов резюмирует: „Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия продолжит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение необратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства“¹⁾.

Но уже в разговоре с Конституционалистом он говорит либералу: „Возражая против нас, все вы ссылаетесь на русского мужика; мужик является в вашем представлении несокрушимой плотиной, о которую должны разбиться все волны западно-европейского рабочего движения. Допустим на минуту, что вы правы, что эта плотина действительно так прочна, как вы воображаете. Тогда наше дело становится безнадежным, но вместе с этим, и притом гораздо в большей степени, обнаруживается безнадежность и вашего дела. Если русский крестьянин не способен увлечься социал-демократической программой, то еще меньше способен он проникнуться сознанием прелестей политической свободы. Всегда и везде, как только начиналось образование больших государств, земледельческие общины с их патриархальным бытом служили самой прочной основой деспотизма. Только с разложением этого патриархального быта и с развитием городского населения являлись силы, способные положить предел неограниченной власти монарха. Россия не составляет исключения из этого общего правила“²⁾.

Однако только с голода можно считать более или менее выяснившимся его взгляд на крестьянство. Голод имел много последствий

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 404.

²⁾ Там же, том III, стр. 21.

и обнаружил очень много такого, что творилось в глубине народной жизни.

В числе многих подобных скрытых процессов в годы голода совершенно ясно стало видно классовое расслоение, которое прошло по деревне и продолжалось с возрастающей интенсивностью протекать. Было совершенно естественно, разумеется, что при политических расчетах и планах в дальнейшем нельзя было упускать из виду этот факт.

Как повлияло это обстоятельство на построение Плеханова?

В письмах о голоде он пишет: „Крестьяне... Но тут я должен заметить, что крестьянство не класс, а сословие. В этом сословии есть теперь и богатые („тысячники“), и бедняки (деревенская „голь“, „бочевые народы“), и эксплуататоры, и их жертвы, словом, люди, принадлежащие к различным общественным классам. Разумеется, сельская буржуазия не станет сочувствовать социал-демократам, но сельский пролетариат всегда был и будет естественным союзником городского. Точно так же и бедные крестьяне (а таких большинство) непременно пойдут за социал-демократами, если только те не пожелают оттолкнуть их, что, конечно, невозможно“¹⁾. Как он практически представляет работу социал-демократии в крестьянской среде, показывают следующие, очень интересные строки. Предполагая, что Земский Собор уже собран, и что буржуазия вынуждена решать аграрную проблему, он пишет: „Положим, что поднимается речь об уменьшении выкупных платежей. Что делают социал-демократы? Непримиримые и неутомимые революционеры, они ведут непрерывную агитацию; они громят одних, будят других; они обличают скверность буржуазии; они „идут в народ“ и убеждают крестьян, что их обманывают, их грабят буржуазные депутаты, не решающиеся совсем отменить выкупные платежи. А к чему приведет такая агитация? Крестьянин скажет, что социал-демократы совершенно правы, и если он уже раньше не голосовал за их кандидата, он подаст за него голос в следующий раз. Впрочем, может случиться, что он и не станет дожидаться следующих выборов; может случиться, что народ, как говорили во время Великой Революции, очистит Земский Собор новым революционным взмахом своей руки. Но и в таком случае он будет действовать под руководством социал-демократов.— Или представим себе, что Собор рассуждает о подоходном налоге. Представители буржуазии велят, что необходимо облегчить давящее крестьянину податное бремя; социал-демократы опять бьют тревогу. Они требуют прогрессивного валога, от которого совершенно была бы избавлена бедная часть населения. Что возразит бедный крестьянин против их требований? Помилуйте, какие тут возражения? Он скажет, что они совершенно разумны, и он перейдет на сторону социал-демократов, если не сделал этого раньше. Положим, наконец, что на Соборе заговорили об увеличении крестьянских налогов. Буржуазные представители надеются все уладить невзначайными приревками. Но социал-демократы и тут не оставляют их в покое. Они добиваются полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земель в национальную собственность. Неужели крестьяне хоть одним словом осудят их поведение?“²⁾.

Полную стмену выкупных операций, снятие налогов с мелкоземных крестьян, полная экспроприация крупных землевладельцев и превращение земель в собственность народа—действительно, это программа, которой крестьянская беднота не может не увлечься.

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 410.

²⁾ Там же, стр. 410—411.

самом деле, Плеханов в эту пору еще не изжил остатков своего былого народничества.

Это не верно. Если бы это было так, тогда противоречивые и непоследовательные суждения заметны были бы на всем протяжении обоих его блестящих трудов. Однако ни один историк этого не утверждал и утверждать не в силах будет. Вему его строгому марксистскому построению резко противоречит лишь его два утверждения: приведенное—об общине и о терроре.

Не ясно ли из этого, что правы не историки, а сам Плеханов, который даст, на наш взгляд, чрезвычайно правдоподобное объяснение обсуждаемому факту?

Нельзя было не считаться с установившимися предрассудками революционной интеллигенции, нельзя было не уступать в пунктах, где такая попытка не могла искривить общую линию ортодоксального марксизма. И Плеханов уступил в двух пунктах наиболее одиозных, но и наименее вредных.

Разумеется, ожидаемого эффекта уступка не дала, но это произошло не по вине Плеханова. Уже к концу 80 годов была изжита всякая иллюзия на счет того, что можно привлечь в лагерь революционного марксизма народническую интеллигенцию путем уступок. Правда, оптимистическая компромиссная формула „Наших разногласий“ еще сохранена в программе 1888 года. Перечисляя требования, выдвигаемые социал-демократией, Плеханов резюмирует: „Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия продолжит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение необратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства“¹⁾.

Но уже в разговоре с Конституционалистом он говорит либералу: „Возражая против нас, все вы ссылаетесь на русского мужика; мужик является в вашем представлении несокрушимой плотиной, о которую должны разбиться все волны западно-европейского рабочего движения. Допустим на минуту, что вы правы, что эта плотина действительно так прочна, как вы воображаете. Тогда наше дело становится безнадежным, но вместе с этим, и притом гораздо в большей степени, обнаруживается безнадежность и вашего дела. Если русский крестьянин не способен увлечься социал-демократической программой, то еще меньше способен он проникнуться сознанием прелестей политической свободы. Всегда и везде, как только начиналось образование больших государств, земледельческие общины с их патриархальным бытом служили самой прочной основой деспотизма. Только с разложением этого патриархального быта и с развитием городского населения являлись силы, способные положить предел неограниченной власти монарха. Россия не составляет исключения из этого общего правила“²⁾.

Однако только с голода можно считать более или менее выяснившимся его взгляд на крестьянство. Голод имел много последствий

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 404.

²⁾ Там же, том III, стр. 21.

и обнаружил очень много такого, что творилось в глубине народной жизни.

В числе многих подобных скрытых процессов в годы голода совершенно ясно стало видно классовое расслоение, которое прошло по деревне и продолжалось с возрастающей интенсивностью протекать. Было совершенно естественно, разумеется, что при политических расчетах и планах в дальнейшем нельзя было упускать из виду этот факт.

Как повлияло это обстоятельство на построение Плеханова?

В письмах о голоде он пишет: „Крестьяне... Но тут я должен заметить, что крестьянство не класс, а сословие. В этом сословии есть теперь и богатые („тысячники“), и бедняки (деревенская „голь“, „бочевые народы“), и эксплуататоры, и их жертвы, словом, люди, принадлежащие к различным общественным классам. Разумеется, сельская буржуазия не станет сочувствовать социал-демократам, но сельский пролетариат всегда был и будет естественным союзником городского. Точно так же и бедные крестьяне (а таких большинство) непременно пойдут за социал-демократами, если только те не пожелают оттолкнуть их, что, конечно, невозможно“¹⁾. Как он практически представляет работу социал-демократии в крестьянской среде, показывают следующие, очень интересные строки. Предполагая, что Земский Собор уже собрал, и что буржуазия вынуждена решать аграрную проблему, он пишет: „Положим, что поднимается речь об уменьшении выкупных платежей. Что делают социал-демократы? Непримиримые и неутомимые революционеры, они ведут непрерывную агитацию; они громят одних, будят других; они обличают скверность буржуазии; они „идут в народ“ и убеждают крестьян, что их обманывают, их грабят буржуазные депутаты, не решающиеся совсем отменить выкупные платежи. А к чему приведет такая агитация? Крестьянин скажет, что социал-демократы совершенно правы, и если он уже раньше не голосовал за их кандидата, он подаст за него голос в следующий раз. Впрочем, может случиться, что он и не станет дожидаться следующих выборов; может случиться, что народ, как говорили во время Великой Революции, очистит Земский Собор новым революционным взмахом своей руки. Но и в таком случае он будет действовать под руководством социал-демократов.—Или представим себе, что Собор рассуждает о подоходном налоге. Представители буржуазии велят, что необходимо облегчить давящее крестьянину податное бремя; социал-демократы опять бьют тревогу. Они требуют прогрессивного валога, от которого совершенно была бы избавлена бедная часть населения. Что возразит бедный крестьянин против их требований? Помилуйте, какие тут возражения? Он скажет, что они совершенно разумны, и он перейдет на сторону социал-демократов, если не сделал этого раньше. Положим, наконец, что на Соборе заговорили об увеличении крестьянских налогов. Буржуазные представители надеются все уладить незначительными прирешками. Но социал-демократы и тут не оставляют их в покое. Они добиваются полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земель в национальную собственность. Неужели крестьяне хоть одним словом осудят их поведение?“²⁾.

Полную стмену выкупных операций, снятие налогов с мелкоземных крестьян, полная экспроприация крупных землевладельцев и превращение земель в собственность народа—действительно, это программа, которой крестьянская беднота не может не увлечься.

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том III, стр. 410.

²⁾ Там же, стр. 410—411.

бочие восприимчивее сельско-хозяйственных, и потому первые наши усилия естественно направляются на промышленные центры. Но чем большим успехом увенчаются эти наши усилия, т. е. чем более возрастет наше влияние на промышленных рабочих, тем возможно и необходимым станет для нас революционное воздействие на деревню. Зная это, мы уже теперь должны прокладывать себе дорогу в нее всякий раз, когда к этому представляется удобный повод. А между такими поводами едва ли не первое место принадлежит хроническим голодовкам и сопровождающим их стеснительным распоряжениям нашего почитательного начальства" ¹⁾.

Проект программы в целях устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне" ²⁾ предлагает, как известно: 1) отмену выкупных и оброчных платежей, 2) отмену законов, стесняющих крестьянам распоряжение землей, 3) возвращение выкупных сумм, 4) возвращение отрезков и 5) объявление недействительными кабальных сделок.

Я перечислил это не с тем, чтобы заняться гегензисом приведенных требований, меня здесь не занимает история аграрной программы, я это привел для того, чтобы был ясен тот отрывок из его комментария к программе, который разъясняет требования аграрной части программы. Указывая на то место, которое занимает мелкий производитель в обществе, на консервативный характер его стремлений, Плеханов пишет: „В качестве партии, наиболее всех других заинтересованной в торжестве демократических принципов политического устройства, социал-демократия, с своей стороны, выставляет ряд требований, осуществление которых значительно облегчило бы положение мелкого крестьянства, — как и всей вообще трудящейся массы, — ни мало не задерживая при этом быстрого хода современного экономического развития. Эти требования и теперь местами обеспечивают нашей партии сочувствие и поддержку некоторой части крестьянства. Но этим сочувствием они, в большинстве случаев, дарят ее именно как партию демократическую, а не как социальную демократию, не как партию социальной революции. Чтобы научиться ценить ее, как социально-революционную партию, они должны предварительно убедиться в том, что социальная революция представляет для них, как и для рабочего класса, единственный действительный выход из нынешнего тяжелого положения. Но убедиться в этом именно и значит перейти на точку зрения пролетариата. Распространять это убеждение между всеми вообще мелкими производителями (и мелкими заводчиками) составляет бесспорную обязанность международной социал-демократии. На эту бесспорную обязанность указывает и наш проект, когда говорит, что социальная демократия, организуя пролетариат, руководит всеми проявлениями его борьбы и выясняя ему историческое значение и необходимость социальной революции, вместе с тем обнаруживает перед всей остальной трудящейся массой безнадёжность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от ига капитала" ³⁾.

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том XII.

2) „Искра“, № 21, от 1/VI—1902 г. — „Проект программы Российской Социал-Демократической рабочей партии“.

3) „Заря“ № 2. Проект программы Российской Социал-Демократической Партии“.

Во время обсуждения съездом программы много упреков было адресовано Плеханову и искровцам за недостаточную последовательность и решительность программы в аграрной части. Возражая им, Плеханов говорит: „Тов. Мартынов говорит, что отрезки не везде имеют одинаковое значение, так как местами помещики палегали особенно на выкупные платежи. Но здесь мы подкованы на обе поги, потому что мы требуем возвращения и отрезков, и выкупных платежей. Поскольку же кабальные отношения вытекают из современного положения вещей, способ борьбы с ними указывается другой частью программы. Нам говорят наконец, что наши требования мизерны. Это напоминает возражения, делаемые нам анархистами, которые говорят нам что слишком мизерны требования, подобные, например, требованию сократить рабочий день. По их мнению, надо начать с социализации средств производства. Но это, конечно, только смешно. Когда нас упрекают в том, что мы будто бы против обращения земли в общественную собственность, то забываем, что наша конечная цель именно и заключается в передаче всех средств производства в общественную собственность, но на пути к этой конечной цели мы добиваемся ряда частных реформ. Требование возвращения отрезков принадлежит к числу частных требований. Но оно имеет одну особенность. Оно имеет модернизацию нашего общества. Только такие требования заключают в себе наша аграрная программа. Когда речь идет о новейшем буржуазном обществе, мы стоим на точке зрения Каутского и не считаем нужным выработать особую аграрную программу. Мы далеки от оппортунизма а la David" ¹⁾.

Возражаю Махову, он говорит: „По мнению тов. Махова, возвращение выкупных платежей не только нежелательная, но и демагогическая мера. Чтобы успокоить его, напомню ему требование, выставленное в 1848 году Марксом в „Neue Rheinische Zeitung“ — требование о возвращении силезских миллиардов. Таким образом, в ответ на упрек в оппортунизме, скажу только, что этот упрек относится и к Марксу. Но и в самой аргументации Махова нет и намека, что эта мера демагогическая. Пусть даже крестьяне разделят между собой полученные деньги. Я не вижу ничего худого в том, что согни миллионов пойдут на улучшение крестьянского хозяйства. Такое улучшение, конечно, только увеличит дифференциацию между крестьянами, но не будем этого бояться. Что касается Либера, то должен сказать, что вторая часть его речи не похожа на первую. Сначала он говорил нам об общих требованиях по отношению к крестьянам, а затем уже упрекал в отсутствии требований по отношению к сельско-хозяйственному пролетариату, т. е. требовал конкретизации. Мы, конечно, не думаем, что в нашей программе нет пробелов, но тов. Либера этих пробелов не указал.

Перехожу к вопросу о знаменитом черном переделе. Нам говорят, выставляя требование о возвращении отрезков, мы должны помнить, что крестьяне пойдут дальше этого требования. Нас это несколько не пугает. В самом деле: выясним себе значение черного передела. Интересно мнение Энгельса по этому поводу: „В деревне, — говорит он, — черный передел энергичнее всего пропагандируется именно богатыми кулаками, которые надеются, что отобранныя у помещиков земля будет делиться „по деньгам“, т. е. перейдет к богачам“. И, действительно, такое движение в пользу передела было бы движением в пользу буржуазии. Мы, конечно, не обязаны активно выставлять программу для буржуазии, но если в борьбе против остатков крепост-

1) Полный текст протоколов. Второй очередной Съезд Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Издание Центрального Комитета. Типография партии.

ных отношений крестьянство пошло по этому пути, то мы стали бы задерживать это прогрессивное движение. Наша роль состояла бы только в том, что, в отличие от наших противников социалистов-революционеров, которые видят в нем начало социализации, мы направили бы все силы, чтобы не оставить у пролетариата никаких иллюзий на счет результатов этого движения. Признавая возможность такого движения, мы должны себе сказать, что не мы, революционные социал-демократы, остановим этот процесс, крикнув ему, как некогда крикнул Архимед римским воинам: „Остановись! Ты испортишь нашу схему“¹⁾.

Такова общая позиция Плеханова в вопросе об отношении пролетариата к крестьянскому движению. В „Искре“ уже с самого начала аграрно-крестьянский вопрос лучше всего и всего пристальнее изучал В. И. Ленин. И когда крестьянские волнения стали во всей России играть роль революционирующего фактора, Ленин уже выступал, как руководящий и направляющий политику партии в этом вопросе.

И аграрная часть программы формулирована под исключительным влиянием Ленина так, что история нашей партии заслугу решения аграрной политики соц.-демократии в огромной, исключительно большой степени, отнесет В. И. Ленину, особенно если иметь в виду ту огромную работу, которую он впоследствии проделал в этой области. Однако из вышеприведенного совершенно ясно, что Ленин унаследовал от Плеханова почти все основные элементы своей грядущей аграрной политики. Это ни в коей мере не умаляет значение проделанной В. И. Лениным работы. Наоборот, устанавливая генезис определенных идей Ленина, мы лишь еще сильнее и отчетливее выявим то, что подлинно принадлежит ему.

А устанавливая происхождение учения Ленина о крестьянстве, мы не можем не признать, что огромная доля идей унаследована им от Плеханова.

Приведенный выше материал, по моему разумению, не оставляет на этот счет никакого сомнения.

На вопросе об отношении пролетариата к мелкой буржуазной интеллигенции, как его понимает Плеханов, останавливаться лишь вскользь. В дальнейшем история показала, что самостоятельного значения она не имела, вышестоящей силы, как единая группа, она не составляла, — в силу своего промежуточного классового положения она в разные этапы борьбы переходила то в одну, то в другую сторону, не усиливая, впрочем, ни ту, ни другую сторону настолько, чтобы приобрести значение самостоятельной общественной силы.

Это не трудно было предвидеть марксисту, и Плеханов, еще задолго до того, как практически интеллигенция показала себя полувидчатой и нерешительной, предвидел грядущую судьбу этой мелкобуржуазной группы.

В эпоху народничества взгляд на интеллигенцию был чрезвычайно оптимистичен. Тогда „интеллигенция“ играла в наших революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону. Как бы кто из революционеров ни объяснял современное порабощение русского народа — недостатком ли в нем

понимания, отсутствием сплоченности и революционной энергии, или, наконец, полной неспособностью его к политической инициативе — каждый думал, однако, что вмешательство интеллигенции устранит указываемую им причину народного порабощения“²⁾.

Интеллигенции было отведено так много места в расчетах всех революционных фракций 70-х годов. Но это несколько не означало, что революционерам той эпохи — в большинстве своем из интеллигенции — было ясно подлинное классовое лицо интеллигенции.

Наоборот, именно потому они так чрезмерно переоценивали роль ее, что, во-первых, были идеалистами и, во-вторых, не знали классовую природу интеллигенции; не знали и не могли поэтому объяснить свое бессилие, причину безрезультатности своей борьбы. „Русская интеллигенция“ сама есть плод, хотя, правда, совершенно нечаянный, петровского переворота, т.-е. начавшегося с тех пор обучения молодежи в „школах и академиях“. Устроенные более или менее по-европейски, школы эти прививали обучавшемуся в них юношеству многие европейские понятия, которым на каждом шагу противоречили русские порядки и прежде всею практикою самодержавия. Понятно, поэтому, что часть русских образованных людей, не удовлетворяясь величественной перспективой табели о рангах, становится в оппозиционное отношение к правительству. Так образовался у нас слой, обыкновенно называемый интеллигенцией. Пока этот слой существовал на социальной основе, восходившей чуть ли не к одиннадцатому столетию, до тех пор он мог „бунтовать“ и увлекаться какими ему угодно утопиями, но не мог ровно ничего изменить в окружающей его действительности. В общем ходе русской жизни этот слой был — слоем „лишних людей“, он весь представлял собой какую-то „умную ненужность“, как выразился Герцен о некоторых из принадлежащих к нему разновидностей. С разрушением старой экономической основы русских общественных отношений, с появлением у нас рабочего класса, дело изменяется. Идя в рабочую среду, неся науку к работникам, пробуждая классовое сознание пролетариев, наши революционеры из „интеллигенции“ могут стать могучим фактором общественного развития, — они, которые нередко в полном отчаянии опускали руки, напрасно меняя программу за программой, как безнадежный больной напрасно бросается от одного медицинского снадобья к другому. Именно в среде пролетариата русские революционеры найдут себе ту „народную“ поддержку, которой у них не было до последнего времени“³⁾.

Что может сделать интеллигенцию могучим фактором? „Русская интеллигенция никогда не имела ни экономической, ни материальной силы. Она всегда была бедна и малочисленна, но у нее было свое могучее оружие, которое мы назовем оружием идеи. Бедная и малочисленная наша интеллигенция, как главная представительница умственного труда, являлась весьма значительной общественной силой, пока ее идеи хоть немного соответствовали общественному состоянию России. Но если в идеях заключался источник ее силы, то те же идеи могли явиться и причиной ее слабости“... „Материальной и экономической силы у нее, как мы уже сказали, не было никогда, а в настоящее время она утратила и силу и идеи. Вот почему она играет теперь самую жалкую роль, умея лишь вызывать к состраданью русского самодержца. Это состояние интеллигенции отражается и в ли-

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., том II, стр. 132.

²⁾ Там же, том III, стр. 78.

¹⁾ Полный текст протоколов.

тературе. Упадок современной русской литературы означает прежде всего идейную беспомощность современной интеллигенции¹⁾.

Такое плачевное состояние русской интеллигенции является результатом того, что интеллигенция не шла далее мелко-буржуазного социализма, а его идеи не развивались далее общих положений о благе народа.

Такая неопределенность идеологии была обусловлена классовым, или скорее межклассовым положением интеллигенции: «Интеллигенция нигде и никогда не составляла общественного класса, это противоречит самому понятию о таком классе. Интеллигенция могла бы, в крайнем случае, составить лишь касту, в качестве ученого сословия²⁾. Ее беда в том именно и заключается, что она сама склонна считать себя за особый общественный класс. «Наша так называемая интеллигенция и без того уже слишком склонна считать себя самостоятельной общественной силой», которой нужно только придумать хорошенькую программку или, — как выражается «Свобода», — «комплекс принципов», чтобы переделать по-своему все общественные соотношения. Но именно потому наша «интеллигенция» и не приобрела до сих пор всего возможного для нее влияния на общественную жизнь. Пора уже перестать играть словами. То, что в известных кругах называется у нас интеллигенцией, составляет лишь небольшой общественный слой (слой неслужащих образованных «разноинцев»), который не может иметь самостоятельного исторического значения. В виду особенностей его положения, этому слою всего естественнее было бы примкнуть к рабочему классу (это класс в настоящем смысле этого слова), в среде которого нашего образованного разноинца ожидает в высшей степени плодотворная роль. Но этого, разумеется, не будет до тех пор, пока «в комплекс принципов» наших образованных разноинцев будет входить убеждение в том, что они составляют «особый класс», хотя и «не принадлежащий к числу древних политических формаций»³⁾. Такая точка зрения — единственно правильная — не только гарантировала Плеханова от переоценки роли интеллигенции, но дала ему возможность правильно определить задачи интеллигенции и перспективы ее деятельности.

Либо с рабочим классом и тогда могучая революционная сила, тогда из «лишних людей» интеллигенция становится необходимостью, либо в буржуазно-либеральный лагерь, — но середина самостоятельного существования как класса, как общественной силы, для интеллигенции невозможна.

Процесс размежевания, расхождения в лагере интеллигенции шел очень долго, но шел именно в том направлении, в котором указывала российская социал-демократия.

Не думаю, чтобы была нужда в большом количестве цитат для доказательства выше высказанного положения. На всем протяжении своей политической и литературной деятельности Плеханов исходил из приведенного положения. Для нас было важно лишь установить, что интеллигенция в политическом построении Плеханова не играла самостоятельной роли.

Самый же вопрос об интеллигенции и ее судьбах нас здесь очень мало занимает.

¹⁾ Г. Плеханов, Сочин., том III, стр. 247.

²⁾ Там же, стр. 269.

³⁾ Там же, стр. 270.

Закончим наше изложение взгляда Плеханова на отношение социализма к политической борьбе.

Мы проследили возникновение и развитие отдельных элементов этого основного политического вопроса и несомненно вынуждены признать, что по разобранному нами вопросам Плеханов является в российской социал-демократии (нетрудно было бы доказать, что и во всем II Интернационале) представителем самого последовательного революционного воззрения, во-первых, а самое главное, что Плеханов в этом вопросе является прямым и непосредственным подготовителем российского большевизма — все элементы его учения о социализме и политической борьбе вошли неприкосновенно в идеологию нашей партии и составляли основу нашей тактики начиная со II съезда.

Но это уже другой вопрос, о котором следует говорить особо.

В. Ваганян.